ОЦИК
XIX в.
Пиго-Лебрен, Ш.
3

115 5/18

ТЕОДОРЪ.

Прекрасной чужестранец! чего ищешь ты?

ТЕОДОРЪ,

ИЛИ

ПЕРУАНЦЫ.

Сочиненіе Пиго ле Брюна.

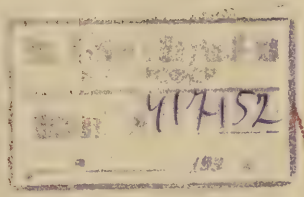
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

МОСКВА,

Въ Типографіи Платона Бекетова.

1 8 0 4.

Съ дозволенія Московскаго Гражданскаго Губернатора



ТЕОДОРЪ,
или
ПЕРУАНЦЫ.

Въ царствованіе Лудвига XIV, о которомъ говорили слишкомъ много добраго и худаго, морская торговля, можно сказать, возродилась дѣятельностію Колберта. Этотъ министръ съ великими издержками основалъ уже колонію въ Пондишери; мы имѣли такъ же нѣсколько плантацій въ Сен-Домингѣ. Министръ своими попеченіями уже готовился оживить сіи первыя, правда, не важныя заведенія, и поддержать ихъ другими знатнѣйшими, когда король Вильгельмъ за-

мѣшалѣ Императора, Имперію, Испанію, Голландію и Савоію въ ссору свою съ Лудвигомъ XIV.

При самомъ началѣ войны Голландцы взяли Пондишери, и раззорили Французскихъ купцовъ, торгующихъ въ Индіи; Англичане изпребили наши Сен-Домингскія плантаціи. Дюге-Труэнь, можетъ быть, величайшій мореплаватель, которымъ славится Франція, былъ только простымъ армапероmъ; но онъ родился съ тѣмъ пылкимъ геніемъ и съ жаждою славы, которые знаменуютъ героевъ; онъ вознамѣрился мстить за славу Французскаго флага.

Его родственники, торго-

вавшіе въ Сен-Мало, сложились и вооружили фрегатъ и двѣ корветы. Дюге-Труэнь полетѣлъ искать на моряхъ враговъ и чести.

Оставимъ его на дорогѣ, начертанной ему рукою судьбы и обратимся къ моему герою. На одной изъ корветъ находился молодой Малуинецъ, прекрасный какъ ангелъ, нѣжный и гордый какъ Французъ, храбрый какъ его соотечественники.

Густой туманъ разлучилъ корвету, на которой находился Теодоръ съ двумя прочими. Дюге-Труэнь объявилъ свое намѣреніе, соединиться съ Г. Поэнтисомъ, которой вооружалъ противу

Испанцевъ нѣсколько судовъ на островѣ Черепахѣ, хотѣлъ напасть на Карѳагену и развратить ее; Г. Форвиль, капитанъ Теодоровъ, направилъ путь свой къ Антильскимъ островамъ, надѣясь рано или поздно соединиться съ своимъ начальникомъ.

Ужасная буря застигла корвету подъ тропикомъ, и унесла ее въ Южный Океанъ. Цѣлую недѣлю дулъ самый сильный вѣтръ; дождь шелъ и громъ гремѣлъ почти безпрестанно; темнота, опасность, безпорядокъ неразлучный съ нею, не позволили справиться съ компасомъ. Когда небо прочистилось, безпокойства изчезли, силы воз-

врашились, захотѣли узнать, въ какомъ были мѣстѣ. Съ величайшимъ удивленіемъ увидѣли чрезвычайное пространство, переплытое ими: находились въ Тихомъ морѣ, на коемъ мореплавателямъ извѣстны были одни берега Перу, и сіи непріятельскіе берега казались единымъ средствомъ для спасенія худаго судна, поврежденнаго бурею.

Горестно было Французамъ требовать оковъ у Испанцовъ: сія мысль терзала Форвиля, но спасеніе экипажа было ему дороже славы: онъ рѣшился сдаться въ плѣнъ въ первой Испанской гавани, которая ему встрѣтится.

Теодоръ не понималъ, какъ

возможно предпочитать плѣнъ смерти: въ первый разъ осмѣлился онъ противиться мнѣнію капитана. Вдали видѣнъ былъ острова Воіоро, не подалеку отъ острова Хилое; онъ предложилъ плыть туда, и исправить тамъ корвету, естьли найдется спокойной заливъ; онъ представилъ, что всегда время сдаться, и что не должно терять его въ разсужденіяхъ; пылкость, краснорѣчіе, благородный и живый видъ его склонили всѣхъ на его сторону, и онъ имѣлъ честь убѣдить опытныхъ офицеровъ и мореплавателей.

Находились уже въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ острова, какъ вдругъ подали знакъ, что видятъ

Испанскій фрегатъ. Г. Форвиль сразился бы непремѣнно, не смотря на неравенство силъ, естьлибы его судно могло быть управляемо съ нѣкоторою ловкостію. Не желая ничего принять на свой отчетъ, онъ во второй разъ собралъ военный совѣтъ, и удивился рѣшимости своихъ офицеровъ; Теодоръ поселилъ въ нихъ свою дерзость: они предложили ожидать фрегатъ и сцѣпиться, естьли будетъ возможно. Г. Форвиль былъ человѣкъ хладнокровный; онъ чувствовалъ дерзость сего намѣренія, но будучи храбръ, не спалъ противорѣчить. Теодоръ, въ глазахъ котораго блистала радость, стоялъ на палубѣ съ бердышемъ въ рукахъ: онъ

нетерпѣливо ожидалъ минуты отличиться: лице его пылало, глаза сверкали, видъ его былъ грозенъ; словомъ, онъ казался Марсомъ съ красотою Адониса.

Однакожъ Испанскій фрегатъ шелъ на всѣхъ парусахъ. Онъ пользовался попутнымъ вѣтромъ, и остановясь на полпушечный выстрѣлъ, началъ сраженіе. Когда Г. Форвиль увидѣлъ невозможность сцѣпиться, то почелъ погибель неизбѣжною, и рѣшился умереть, такъ какъ должно Французу.

Во время бури принуждены были бросить въ морѣ половину пушекъ, чтобъ облегчить корвету, а медлитель-

ность маневровъ была причиною, что выстрѣлы были слабы и не вѣрны. Испанская артиллерія поражала Французовъ: однакожъ они упорно сражались: но скоро ихъ судно, прострѣленное ядрами, сталогрозить потопленіемъ. Храбрый Теодоръ самъ долженъ былъ опустить флагъ: онъ сжегъ его, что бы только не отдать непріятелю.

Испанцы, одержавши побѣду, увидѣли въ непріятеляхъ своихъ нещастныхъ, готовыхъ погибнуть въ волнахъ. Они послали къ нимъ на помощь всѣ шлюбки свои, и старались утѣшить ихъ въ претерпѣнномъ нещастіи попеченіями и человѣколюбіемъ.

Испанскій капитанъ былъ великодушенъ; но законы войны строги; не отъ него зависѣло, возвратить вольность военноплѣннымъ Французамъ. Онъ высадилъ ихъ въ гавани Пизко, откуда препроводили ихъ въ Лиму, Перуанскую столицу.

Вицерой подражалъ Испанскому капитану. Городъ служилъ тюрьмою Французскимъ офицерамъ. Теодоръ не имѣлъ еще сего чину; но увидя прелестнаго Марса, не стали разпрашивать, кто онъ таковъ: онъ пріобрѣлъ отъ всѣхъ похвалы и получилъ всѣ преимущества.

Жизнь въ городѣ Лимѣ должна была понравиться мо-

лодому человѣку, который зналъ только Сен-Мало и море. Сей городъ не претерпѣлъ еще землетрясеній, совершенно раззорившихъ его; улицы были устланы серебреными плитами, домы и публичныя зданія построены со вкусомъ; рѣка, омывавшая стѣны Лимы, была раздѣлена на каналы, которые служили для потребъ жителей, украшенія садовъ и плодотворенія земли.

Глаза скоро устаютъ, когда удовольствіе, производимое ими, сосредоточитъ въ одномъ удивленіи; но то, что по мыслямъ Теодора, не могло наскучить ему, были прелестныя Креолки, между коими трудно было выбирать. Глаза пылаю-

щіе огнемъ, бѣлизна, нѣжный и живый цвѣтъ, посредственный ростъ, волосы, могущіе служить покрываломъ стыдливости, такъ были они черны и длинны; вотъ чѣмъ одарила ихъ природа.

Серги, браслеты, бриліантовыя перстни, платье, которое не скрываетъ груди и плечь, и только до половины ногъ спускается, кружево, сквозь которое видны концы подвязокъ, шитыхъ золотомъ или серебромъ и унизанныхъ перлами; вотъ какія средства употребляетъ искуство, чтобъ увеличить прелести ихъ.

Пріятность наслажденія дополняетъ удовольствіе. Они

страстно любятъ музыку и пляску, и въ совершенствѣ владѣютъ сими двумя милыми талантами; не позволятъ ни малѣйшей вольности человѣку, котораго не любятъ: не откажутъ ни въ чемъ любовнику.

41752

Теодоръ явился имъ, какъ прекрасный день улыбающейся природы. Гордость изчезла, когда онъ показался; онъ нашелъ сердца, готовыя любить. Все потерялъ съ свободою; любовь замѣнила ему свободу. Необходимое, и даже излишнее доставлялось ему незнакомыми руками, которые, казалось, хотѣли быть узнаны. Онъ былъ искателенъ, учтивъ, любезенъ, уменъ, и наслаждался всѣмъ

тѣмъ щастіемъ, которымъ можетъ пользоваться невлюбленный; минута любви еще не настала.

Онъ провелъ мѣсяцъ въ безпрестанномъ наслажденіи; но за наслажденіемъ слѣдуетъ скука. Мысли о славѣ возбудились въ сердцѣ Теодора, или лучше сказать, судьба влекла его къ предмету, которой долженъ былъ вѣчно обладать имъ. Праздность и сладострастіе сдѣлались ему несносны; онъ стыдился самаго себя, и рѣшился покинуть любовь для славы. Онъ вздумалъ пройти Твердую землю, и соединиться близъ Карѳагены съ Гмъ. Пуэнписомъ и Дюге-Труэнемъ.

Дорога была продолжительная и опасная; усталость, нужда, жители; все устрашало. Теодоръ не открылъ Г. Форвилю намѣренія, которое могло быть оправдано однимъ успѣхомъ. Молодой Перуанецъ, слуга его, которой любилъ своего господина какъ душу, былъ однимъ повѣреннымъ сего бѣгства; смирный, вѣрный Корамбе тайно купилъ двухъ ламъ, чтобъ навьючить на нихъ драгоцѣннѣйшія вещи и все то, что было необходимо для такого труднаго путешествія. Оба молодые человѣка ушли изъ Лимы при наступленіи ночи, и Теодоръ, съ компасомъ въ рукахъ, направилъ путь свой къ Даріенскому заливу.

Они всячески убѣгали отъ населенныхъ мѣстъ; днемъ легко находили чистую воду и плоды вездѣ растущіе; ночью пальмовыя или кокосовыя деревья сохраняли ихъ отъ росы: они отдыхали на мхѣ или на травѣ, которою питались также ихъ ламы.

Въ двенадцатый день они были уже не подалеку отъ Квиты; они прошли уже около половины дороги безъ всякой непріятной встрѣчи, и надѣялись также щастливо и скоро окончить ее, чтобъ раздѣлить опасности и славу экспедиціи, приготовленной противу Карѳагены; но они далѣе не пойдутъ.

Квито есть одинъ изъ

важнѣйшихъ городовъ древней Перу; онъ лежитъ у подошвы Корделіерскихъ горъ; съ Южной стороны находится пространное, прекрасное и плодородное поле. Неосторожно было бы вступить въ него; обработанность его показывала многолюдство. Теодоръ рѣшился итти въ Корделіеры.

Дорога была продолжительна и худа; Теодоръ преодолѣвалъ опасности, Корамбе терпѣлъ и молчалъ изъ любви къ своему господину, которой здѣлалъ его себѣ равнымъ; ламы, будучи сильны, терпѣливы и легки, искусно перебирались чрезъ утесы, и въ дурныхъ мѣстахъ везли на себѣ Теодора и Корамбе.

Они находились уже выше Квито; весь городъ былъ у нихъ въ виду, такъ какъ и обширное поле, которое казалось имъ изъ дали однимъ великолѣпнымъ садомъ; они думали, что болѣе нѣчего было имъ опасаться, и слѣдуя по прямой линіи, которая должна была вести ихъ въ Новую Гренаду, они спокойно разговаривали: объѣхавши ужасной утесъ, они приведены были въ чрезвычайное удивленіе, и самый Теодоръ почувствовалъ нѣчто похожее на страхъ. Испанскій редутъ находился отъ нихъ въ двухъ стахъ шагахъ; караульный ихъ увидѣлъ; они не могутъ въ томъ сомнѣваться, замѣтя поспѣшное движеніе солдатъ. Двенадцать или пятнадцать человѣкъ выхо-

дятъ изъ крѣпости, идутъ прямо къ нимъ; имъ остается только одна минута, чтобы рѣшиться. Теодоръ даетъ Корамбе горсть алмазовъ, и обнимая говоритъ: "бѣги! сіи мѣста извѣстны тебѣ; я обогащаю тебя; будь щастливъ и не забывай меня!" Они покидаютъ ламъ и бѣгутъ столь скоро, какъ позволяетъ имъ неровность дороги; въ скоромъ времени они разлучаются, останавливаются, смотрятъ другъ на друга, и рукою прощаются въ послѣдній разъ.

Теодоръ видитъ предъ собою тропинку; онъ летитъ по ней быстрѣе стрѣлы; Испанцы жестоко преслѣдуютъ его. Сія дорога вела къ

рудникамъ, и крѣпость была построена для того, чтобы удалять отъ сихъ сокровищъ и ловить тѣхъ, которые не признаны правительствомъ, либо владѣльцами рудниковъ. Теодоръ не былъ изъ числа людей, подвергающихъ жизнь свою опасности, въ надеждѣ получить великое богатство; но сіи предосторожности, сіе поспѣшное бѣгство, когда онъ примѣтилъ, что его увидѣли, два домашнія животныя, которыя въ теченіе двенадцатидневнаго путешествія, были почти совершенно освобождены отъ съѣстныхъ припасовъ, и казалось, опредѣлены были для несенія драгоцѣннѣйшей тяжести; все совокуплялось, чтобы подверг-

нуть сего молодаго человѣка подозрѣнію.

Сокровища, скрытыя въ землѣ, до которой Теодоръ на бѣгу своемъ почти не касался ногами, была ему неизвѣстна; онъ приписывалъ упорность Испанцевъ ихъ жаждости къ кровопролитію; онъ ускоряетъ бѣгъ свой, и опереживаетъ людей, отягощенныхъ оружіемъ. На концѣ тропинки видитъ онъ другое укрѣпленіе: тотчасъ перемѣняетъ путь свой, и бросается чрезъ каменные утесы. Онъ бѣжитъ, куда ведетъ его судьба: то всходитъ, то сходитъ; иногда виситъ, зацѣпившись рукою и ногою за вершину утеса, которой, кажется, готовъ обрушиться

подъ его тяжестію; иногда перебирается чрезъ ровъ, или переплываетъ потокъ; на минуту уходитъ изъ виду у Испанцевъ, и вдругъ находитъ ихъ за собою; ищетъ пещеры, которой не можетъ найти; наконецъ, лишась силъ и бодрости, останавливается противъ воли.

Солдаты, еще болѣе уставшіе, также останавливаются; всѣмъ нуженъ роздыхъ. Испанцы не хотѣли только потерять изъ виду того, которой по ихъ мыслямъ не могъ уйти отъ нихъ. Гора Каямбуръ, которая подымается стѣною и почитается неприступною, должна была остановить Теодора. Естьли онъ воротится,

то его окружатъ и убьютъ, когда онъ не захочетъ здаться; и такъ его непріятелямъ не для чего было торопиться; они остановились, отдыхали столькоже времени, какъ и Теодоръ.

Это показалось ему чрезвычайно странно: не стараясь изыскивать причины, онъ воспользовался отдыхомъ, позволеннымъ ему бездѣйствіемъ Испанцевъ; пришелъ въ память, и съѣлъ нѣсколько плодовъ, которые попались ему. Сія пища хотя и недостаточная, возвратила ему силы; чувствуя нѣкоторую привязанность къ жизни, онъ рѣшился все употребить въ дѣйство, чтобъ сохранить ее.

Онъ всталъ и продолжалъ путь свой.

Испанцы также пошли, но медленно; Теодоръ бѣжитъ по голымъ скаламъ; онъ многимъ выпереживаетъ тѣхъ, которые преслѣдуютъ его; думаетъ, что можетъ тогда опять остановиться, разсмотрѣть предметы, окружающіе его, избрать сторону, въ которую направить путь свой.

Не подалеку отъ него является уже страшная гора, представляющая одну каменную стѣну, которой пространство со всѣхъ сторонъ пересѣкаетъ путь его; Испанцы разошлись; идутъ шаговъ на двадцать одни отъ дру-

гихъ, составляютъ опасную цѣпь, препятствующую ему уйти. Но какъ стараются всегда избѣгать отъ той опасности, которая ближе; то онъ продолжаетъ итти къ горѣ; приближась видитъ, какъ ему кажется, неровности на утесахъ; скоро онъ усматриваетъ проломы, которые могутъ служить подпорами; примѣчаетъ легкія трещины, изъ коихъ выходятъ ліаны и другія по землѣ вьющіяся растѣнія; онъ осматривается, надѣется на свое искуство и щастье; намѣревается перелѣзть чрезъ гору.

Онъ обнимаетъ камень, прицѣпливается, прилегаетъ къ нему, хватаетъ ліану, взлѣ-

заетъ по ней, какъ по веревкѣ; другое растѣніе слѣдуетъ за первымъ: онъ продолжаетъ лѣзть; истощаетъ силы свои; потъ течетъ ручьемъ съ пѣла его; но Теодору остается защищать жизнь свою противу однихъ препятствій, представляемыхъ ему совершенно вертикальною громадою. Испанцы приближаются къ подошвѣ горы; они чрезвычайно удивлены, видя, что Теодоръ находится отъ нихъ далѣе, нежели на ружейный выстрѣлъ.

Однакожъ молодость, которая предпріемлетъ не размышляя, дѣйствуетъ не предвидя слѣдствій, которой воображеніе неограничено; молодость имѣетъ только ог-

раниченные способы. Теодоръ не можетъ болѣе сносить тяжкой работы, которую онъ предпріялъ; руки, колѣна его окровавлены: нервы потеряли крѣпость, а тѣло гибкость свою; онъ впадаетъ въ совершенную робость, вздыхаетъ, покоряется судьбѣ; хочетъ опуспить ліану, поддерживающую его и низвергнуться въ пропастъ: онъ взираетъ на небо, прежде нежели на вѣкъ сомкнетъ глаза свои.

Вдругъ усматриваетъ онъ, какъ ему кажется, углубленіе, находящееся въ нѣсколькихъ саженяхъ надъ нимъ. Ему стоитъ только немного отдохнуть, чтобъ до него доспигнуть: какъ исполнить это

въ такомъ страшномъ положеніи? Ужасъ ничтожества дѣлаетъ человѣка искуснымъ. Теодоръ хватаетъ одною рукою ліану, которую съ трудомъ можетъ держать, а другою обвертываетъ ее нѣсколько разъ около тѣла, крѣпко завязываетъ близъ корня и виситъ опираясь нѣсколько ногами. Что за покой!

Тогда онъ пожалѣлъ о пріятностяхъ Лимы, думая о ужасной судьбѣ, которую себѣ приготовилъ. Но естьли бъ достигъ онъ до углубленія, которое составляетъ единый предметъ желаній его, то что будетъ онъ тамъ дѣлать и какъ доставитъ себѣ необходимѣйшую пищу? Голый и раскаленный отъ солнца ка-

мень, нѣсколько жесткихъ и волокнистыхъ растѣній, вотъ что представлялось ему со всѣхъ сторонъ.

Но какой нещастный не дорожитъ нѣсколькими часами, прибавленными къ бѣдственнѣйшему существованію? Теодоръ, проклиная славу, которой блескъ обманулъ его и будучи терзаемъ горестнѣйшими размышленіями, развязывалъ ліану, которой обязанъ былъ неоцѣненнымъ щастіемъ, отдохнуть одну минуту. Онъ полѣзъ снова, бросая жадные взоры и призывая сію пещеру, которой опредѣлено быть его гробомъ.

По мѣрѣ, какъ Теодоръ подымался, предметы пере-

мѣняли виды свои; то, что онъ принялъ за впадину, была только тѣнь, произведенная выпуклымъ угломъ одного утеса; но онъ примѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ гора удалялась отъ своего основанія шаговъ на придцать или на сорокъ: онъ не сомнѣвался, чтобъ тутъ не было гладкой и довольно обширной земли: "можетъ быть, находится тутъ слой земли... можетъ быть, онъ плодороденъ... Ахъ! когда бъ тутъ былъ ключь"... Сердце его успокоивается, улыбка раждается на устахъ: нещастный надѣется, и утѣшеніе возвращаетъ ему прежнія силы.

Онъ достигаетъ до столь

желанной имъ цѣли. Руки его касаются до вершины ужасной, на которой онъ такъ долго находился между жизнію и смертію. Ему попадается кустъ; онъ схватываетъ его, протягивается, сгибается и вскакиваетъ наконецъ на пространную площадку, украшенную зеленью. Онъ падаетъ на колѣни, благодаритъ Всевышняго, и лишается чувствъ.

Опамятовавшись, онъ осмотрѣлъ предметы, окружающіе его. Мѣсто шириною въ четверть мили, глубиною же въ восемь или девять сажень, было совершенно покрыто великимъ множествомъ кустовъ и растѣній, неизвѣстныхъ въ долинѣ. Дикіе, но вкусные

или прохлаждающіе плоды, представлялись со всѣхъ сторонъ жадности Теодора. Они показались ему чрезвычайно хороши; удовольствовавши первую изъ нуждъ, онъ разсмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ мѣсто, гдѣ прежде него, конечно, никто не бывалъ: онъ искалъ сего ключа, столь нужнаго для сохраненія жизни его; долго искалъ, но напрасно. Онъ упалъ на землю, будучи отягченъ горестью и отчаяніемъ.

Теодоръ чувствовалъ неописанную радость, избавившись отъ настоящей и вѣрной опасности; мысль жестокой и продолжительной смерти стѣсняла и терзала сердце его. "Плоды, повторялъ

онъ, плоды а воды ни капли!“ Онъ горестно смотрѣлъ на сію вторую гору, вѣчную границу пустыни его; видѣлъ, что она пряма какъ кедръ, и гладка какъ стекло; жители воздуха одни имѣли право перелетать чрезъ нее. Теодоръ склонилъ на грудь голову свою: “и такъ, здѣсь опредѣлено мнѣ умереть!“ Два ручья слезъ полились изъ глазъ его, и долго не изсыхали.

О слезы! послѣднее утѣшеніе, данное природою нещастнымъ, вы услаждаете горесть ихъ и почти заглушаете память ихъ бѣдствій. Теодоръ, послѣ слезъ, нѣсколько успокоился; онъ получилъ опять способность, мыслить

и дѣйствовать. Острый камень, сукъ дерева, могли бъ служить ему, чтобъ рыть ямы, которыя принимали бы дождевую воду; но сія земля въ одну минуту вобрала бы ее въ себя; и такъ должно было отказаться отъ мысли, доставить ее себѣ такимъ образомъ; можетъ быть, время составило какой нибудь бассеинъ на вершинѣ утесовъ, чрезъ которые онъ перелѣзъ; онъ возвращается на край пропасти, идетъ по ея изгибинамъ, вырываетъ кустъ травы, отталкиваетъ сукъ, которые, кажется, скрываютъ отъ него какую нибудь впадину... Вдругъ мысль поражаетъ его: онъ разсуждаетъ, что естьли могъ взлѣсть, то можетъ и сойти. Ему представятся

конечно затрудненія; но одно сіе средство оставалось ему, и онъ отложилъ исполненіе до минуты, въ которую Исланцы удалятся.

За основательною мыслію слѣдуетъ обыкновенно другая; онъ можетъ сплесть изъ гибкихъ вѣтвей длинную и крѣпкую веревку и привязать конецъ ее къ самому твердому дереву; можетъ продѣть сквозь нее палки, которыя будутъ служить ему вмѣсто ступеней; но чтобъ судить о времяни, которое онъ долженъ будетъ на это употребить, нужно измѣрить вышину, на которую онъ взлѣзъ: онъ ложится на край утеса, и протягиваетъ голову; разстояніе, находящееся между

нимъ и землею, не такое, чтобъ онъ не могъ сплесть веревку въ теченіи двухъ дней, а два дни можно обойтись безъ воды, когда плоды въ изобиліи. До сихъ поръ всѣ мысли его были утѣшительны, но одно замѣчаніе безпокоило его; онъ видѣлъ у подошвы горы только четырехъ Испанцевъ; что сдѣлалось съ прочими? Они не могли такъ далеко уйти, чтобъ ихъ не льзя болѣе разсмотрѣть; глаза же его обозрѣваютъ чрезвычайное пространство. Не нашли ли они дороги, которая бы привела ихъ къ нему. Безпокойство его вдругъ перемѣняется въ страхъ; онъ встаетъ, бѣжитъ ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ утесъ отлогъ; смотритъ туда, гдѣ онъ выдался и

скрываетъ отъ него предметы... О непрерывная нить бѣдствій! Въ отдаленнѣйшемъ мѣстѣ равнины, онъ видитъ десятерыхъ Испанцевъ съ ружьями, повѣшенными черезъ плеча, и которые всходятъ по чрезвычайно трудному мѣсту, но спокойному въ разсужденіи того, которое заставляло его столько мучиться.

Вицерой Перуанскій платитъ довольно знатную сумму солдатамъ, которые поймаютъ человѣка, желающаго пробраться во внутренность рудниковъ. Одна жажда золота оживляла, поддерживала солдатъ; Теодоръ видѣлъ одну ярость въ ихъ упрямствѣ.

Всякой на его мѣстѣ подумалъ бы, что они хотѣли безжалостно умертвить его; у него не было оружія, и онъ ослабѣлъ отъ тяжкой работы и душевнаго безпокойствія; Теодоръ совершенно потерялся, но нѣкоторое внутренное движеніе заставило его отдалить бѣдственный ударъ. Онъ бросается въ лѣсокъ, и ползетъ подъ кустарникомъ. Надежда есть послѣдняя изо всѣхъ чувствъ, которая погасаетъ въ насъ; Теодоръ думалъ, что его не сыщутъ.

Онъ провелъ цѣлый часъ въ сей ужасной мукѣ, недвижимъ и удерживая свое дыханіе. Листъ ли зашевелится, или упадетъ отъ вѣт-

ра, слабая птичка, отдыхающая на ближней вѣтви, все увеличиваетъ его страхъ, и наконецъ онъ доведенъ до высочайшей степени: онъ слышитъ, что ходятъ не подалеку отъ него: еще болѣе вслушивается; говорятъ въ двухъ шагахъ.

Страхъ, доведенный до крайности, не позволяетъ не только разсуждать, но даже и думать; Теодоръ пятится на рукахъ и на колѣняхъ, не предвидя, что шумъ вѣтвей, которыя онъ потрясаетъ, раздвигаетъ и переламываетъ, долженъ непремѣнно измѣнить ему: онъ достигаетъ до самаго основанія горы; Испанцы видятъ его, или отгадываютъ, что

онъ тутъ; испускаютъ радостный крикъ, и бѣгутъ къ нещастному.

Кровь его замерзла въ жилахъ, члены покрыты холоднымъ потомъ; онъ прижимается къ камню, который долженъ остановить его; но ему кажется, что онъ разверзается для спасенія его отъ непріятелей; онъ увѣренъ, что солнце лишило ихъ свѣта для того, чтобъ возпретить имъ преслѣдовать его; однимъ словомъ, мечта его совершенна; онъ воображаетъ, что идетъ по длинному, узкому и темному подземелью. Сильный ударъ, поразившій его въ голову, доказалъ ему, что все сущая правда: онъ протягиваетъ руки, и находитъ ка-

менистый и неровный сводъ; наклоняется, сгибается, ползетъ, встаетъ, опять наклоняется, растягивается, какъ пресмыкающее и скользитъ между камнемъ, которой гнететъ поясницу и давитъ грудь его; онъ идетъ сколь скоро, какъ позволяютъ ему слабость и мракъ; останавливается, слушаетъ; все умокло; онъ успокоивается.

Въ самомъ дѣлѣ, Испанцы остались у входа сей пещеры, въ которую одно желаніе, избавиться отъ смерти, могло заставить нещастнаго войти. Сырая, неровная земля, опасеніе ядовитыхъ насѣкомыхъ, населяющихъ сіи климаты, страхъ хищныхъ звѣрей, которымъ сіе подземелье

могло служить убѣжищемъ, наконецъ густой мракъ; все должно было устрашать прочихъ; однакожъ границы пещеры, голодъ, надежда получить прощеніе, должны были принудить виновнаго возвратиться: такъ думали Испанцы; они стали ожидать Теодора, питаясь, подобно ему, плодами, которые предлагала имъ природа.

Охотно вѣрятъ тому, чего желаютъ. Теодоръ не сомнѣвался, чтобъ пещера не проходила сквозь гору; однакожъ онъ примѣтилъ, что чувствительно подымался по извивистымъ и многочисленнымъ оборотамъ; онъ изъ этого заключилъ, что ходъ его будетъ продолжителенъ;

но онъ удаляется отъ Испанцевъ и ничто не кажется ему опаснѣе, какъ попасться въ ихъ руки.

Часть дня уже протекла; онъ идетъ еще далѣе, но не примѣчаетъ, не предвидитъ выхода, и лишается надежды, увидѣть опять солнце. Смерть всегда ужасна, въ какомъ видѣ она не представляется; онъ раскаивается въ томъ, что однимъ разомъ не прекратилъ своихъ мученій, ожидая Испанцевъ. Можетъ быть, его молодость, его нещастіе тронули бы ихъ; естьлижъ въ самомъ дѣлѣ они жестоки, то по крайней мѣрѣ, однимъ ударомъ прекратили бы его судьбу; сколько же часовъ будетъ онъ еще томить-

ся прежде, нежели лишится жизни! Онъ хочетъ воротиться, но будетъ ли въ силахъ дойти до входа въ пещеру? Пока онъ теряется во множествѣ одна другой пропивныхъ мыслей ему, кажется, что онъ видитъ блестящую точку. Онъ трепещетъ, бросается къ ней; свѣтъ изчезаетъ. Тогда онъ обвиняетъ и небо и землю, упрекаетъ самаго себя; уныніе его перемѣняется въ бѣшенство; онъ бросается какъ безумный: ударяется, убивается объ уголъ камня; сила удара бросаетъ его въ сторону... О щастіе!... блестящая точка не обманула его; она показывается съ большимъ блескомъ, нежели прежде; лучи ее отражаются каменьями: Теодоръ понимаетъ, что уголъ

камня, объ которой онъ ударился, скрывалъ на минуту отъ него блескъ сей. Въ скоромъ времяни онъ можетъ видѣть окружающіе его предметы; идетъ еще нѣсколько минутъ, и находитъ опять небо надъ собою.

Пускай представятъ себѣ нещастнаго, котораго томитъ усталость, мучатъ горестнѣйшія мысли, и который во вторый или третій разъ вдругъ переходитъ отъ смерти къ жизни; тогда понятны будутъ восхищеніе Теодорово и возторгъ, въ которомъ онъ находился. Онъ не безпокоился о будущемъ, не думалъ о странѣ, которую откроетъ, о жителяхъ, можетъ быть, ее населяю-

щихъ, о пособіяхъ, которыя можетъ тамъ найти: онъ опять видитъ солнце; онъ щастливъ, и болѣе ничего не желаетъ.

Однакожъ безпамятство мало по малу разсѣевается. Сія бѣдственная предусмотрительность, столь несвойственно названная разсудкомъ, воспріемлетъ всю власть свою; безпорядочное смѣшеніе страха и надежды мучитъ еще нещастнаго. Онъ выходитъ изъ пещеры, идетъ шаговъ съ двадцать... прекрасная долина, обработанныя земли, деревья покрытые плодами, извивающіеся ручьи, которые удаляются, сближаются и оплодотворяютъ всю окружность, пріятныя жи-

лища и вездѣ образъ изобилія; вотъ что во первыхъ поражаетъ взоры его.

Образъ обработанности полей, построенія домовъ, никакъ не походили на то, что онъ видѣлъ въ Лимѣ или окружностяхъ ее. Онъ заключилъ, что жители не могли быть Испанцы; и такъ не для чего было ему опасаться непріятелей; все оказывало не дикій народъ, и онъ могъ надѣяться на помощь; онъ опять насладился минутою спокойствія и удовольствія, въ которую человѣкъ любитъ обращаться на самаго себя. Онъ утолилъ жажду, съѣлъ нѣсколько плодовъ и пошелъ далѣе.

Онъ не прошелъ еще ста шаговъ, какъ увидѣлъ пять или шесть человѣкъ сидящихъ подъ платаномъ. На нихъ были нѣкотораго рода бѣлыя одежды тюникъ, подпоясанныя разноцвѣтнымъ кушакомъ; на головахъ вѣнцы, сплетенные изъ блестящихъ и прямыхъ перьевъ; черты ихъ показались ему пріятны, лица кротки. Они показались ему друзьями, которые подадутъ руку помощи.

Подошедши къ нимъ, онъ примѣтилъ луки, калчаны, дубины, разбросанные по муравѣ; видъ сихъ оружій не тревожилъ его; онъ приближался съ довѣренностію; но лишь только сіи люди усмотрѣли его, то встали по-

спѣшно и натянули луки свои, испуская громкіе крики. Теодоръ развернулъ передъ ними бѣлый платокъ: они продолжали готовиться къ оборонѣ, и искали уже острійшихъ стрѣлъ въ колчанахъ своихъ. Теодоръ долженъ былъ еще бороться со смертію, которая безпрестанно возраждалась въ новомъ видѣ. Древняя роща находилась неподалеку отъ него; онъ бросился въ ту сторону; стрѣлы полетѣли, но не поразили его: онъ побѣжалъ еще скорѣе; новые Теодоровы непріятели стремительно бѣжали по слѣдамъ его.

Онъ находился уже близъ рощи; но какъ уйти отъ людей неутомленныхъ и бы-

стрыхъ, какъ вѣтеръ! Они готовы схватить его: по крайней мѣрѣ деревья сохранятъ Теодора отъ ударовъ ихъ; онъ будетъ въ состояніи говорить съ ними знаками, дать имъ выразумѣть, что онъ нещастливъ и вручается имъ; онъ еще напрягаетъ силы свои, и достигаетъ до спасительнаго мѣста, гдѣ никто не осмѣлится на него напасть.

Все должно было удивлять его въ сей непостижимый день. Тѣ, которые преслѣдовали его, остановились на краю лѣса, и преклонились съ почтеніемъ. Теодоръ разсудилъ, что сіе мѣсто было посвящено богослуженію, и что оно почиталось священнымъ и ненарушимымъ убѣ-

жищемъ. Онъ получилъ прежнюю бодрость и углубился въ сію мрачную и унылую рощу. Гробницы, болѣе или мѣнѣе древніе, подтвердили мнѣніе его: двери ихъ были кедровыя, а петли и запоры золотые.

Обошедши одинъ изъ сихъ гробницъ, онъ былъ пораженъ столькоже важнымъ, какъ и неожиданнымъ зрѣлищемъ. Колоны, вылитые изъ золота, поддерживали разверстый куполъ надъ жертвенникомъ, на которомъ пылало синеватое пламя; по обѣимъ сторонамъ жертвенника были круглыя ступени, покрытыя разноцвѣтными бумажными коврами; въ дальнѣйшей части святилища находилось изоб-

раженіе солнца, сдѣланное изъ золота и занимающее все пространство отъ вершины купола до полу, искусно выработаннаго изъ сребра; стѣны, съ правой и лѣвой стороны, были украшены золошыми барелiефами, изображающими жестокости Пизарра и его товарищей; у одной изъ стѣнъ находилась статуя грубо вылитая изъ того же металла. Теодоръ узналъ священническое Испанское платье пятагонадесять столѣтія. "Ахъ, сказалъ онъ, вотъ конечно изображеніе добродѣтельнаго Ласъ-Казаса, обожаемаго симъ добрымъ и благодарнымъ народомъ: и такъ правда, что память добраго человѣка никогда не изглаживается: она переходитъ

изъ роду въ родъ, будучи носима на крыльяхъ времяни.'

Онъ остановился, удивлялся, но скоро новый предметъ заставилъ его позабыть храмъ, опасность свою, самаго себя и цѣлой міръ. Жрица стояла на колѣняхъ предъ жертвенникомъ; лице ее было обращено къ изображенію солнца, и Теодоръ видѣлъ одно ее платье; но сіе самое платье давало отгадывать прелести, которыя никогда ничто не скрываетъ. На ней была длинная одежда, бѣлая какъ снѣгъ; покрывало такого же цвѣту развѣвалось по плечамъ и спускалось волнами на полъ; золото и серебро искусно перемѣшенныя, увѣличивали бѣлизну матеріи, и

блистали на краяхъ покрывала, рукавовъ и внизу платья; вѣнокъ, сплетенный изъ настоящихъ цвѣтовъ, конечно всякой день перемѣняемыхъ, соединялъ съ простотою природы то, что есть изящнѣйшаго въ искуствѣ.

Пригожій станъ жрицы показывалъ величайшую молодость, и тайное предчувствіе придавало ей трогательныя прелести красоты. Молодая женщина обыкновенно чувствительна; прекрасная женщина придаетъ высочайшую цѣну малѣйшему благодѣянію: Теодоръ подходитъ съ осторожностію, съ робостію; онъ не думаетъ о себѣ, что онъ прекрасенъ, но не можетъ этого позабыть, и вооб-

ражаетъ, что обѣты, которые конечно запрещаютъ любовь, дозволяютъ сожалѣніе. Азили слышитъ шумъ и оглядывается: ее покрывало поднято: она походитъ свѣжестію и красотою своею на зарю прекраснаго дня. Европейское платье сперва устрашаетъ ее, но Теодоръ преклонилъ колѣна; она видитъ въ чертахъ его одну кротость; не въ такомъ положеніи вымышляютъ злодѣйства; не желаютъ зла предмету, на который взираютъ съ нѣжностію. Азили оправляется, и на устахъ ее является прелестная улыбка чистосердечной невинности. Плѣненный, обрадованный Теодоръ не въ силахъ произнести единаго слова; душа его совершенно изобра-

жается въ глазахъ; его кровь течетъ быстрѣе, разгорячаетъ, воспламеняетъ сердце его; Теодоръ чувствуетъ, что влюбился въ первый разъ.

Азили съ своей стороны приходитъ въ неописанное смятеніе, и не противится чувству, которое обладаетъ ею. Она ни въ чемъ не укоряетъ себя, потому что не предвидитъ опасности; сіи два трогательныя творенія, находящіяся въ четырехъ шагахъ одинъ отъ другаго, глядятъ и не наглядятся другъ на друга. Азили, будучи не столько смущена, первая прерываетъ молчаніе. "Прекрасный чужестранецъ, чего ищешь ты?" Ее пріятный, нѣжный и гармоническій го-

лосъ совершенно плѣнилъ Теодора; онъ былъ внѣ себя, и не думалъ отвѣчать: невинная и божественная жрица повторила вопросъ свой.

Она вопрошала молодаго человѣка по Перуански, и сей языкъ былъ ему извѣстенъ. Онъ видалъ Перуанскихъ невольниковъ въ Лимѣ, и часто говаривалъ съ Корамбе. Выговоръ сего языка, изобилующаго гласными буквами, очень способенъ; у народа, занимающагося обрабопываніемъ земель, мало идей; слѣдовательно онъ употребляетъ мало словъ, а Теодоръ довольно зналъ сей языкъ, чтобъ хорошо разумѣть, и самому быть внятну; онъ началъ повѣствованіе своихъ нещастій,

и голосъ его содѣлалъ надъ Азили такое же впечатлѣніе, какъ голосъ Азиліинъ надъ нимъ. Она слушала его съ живѣйшимъ участіемъ; вздыхала, когда онъ описывалъ свои опасности; улыбалась, когда возвращалась ему надежда... Надежда! неосторожная, ты скоро лишишься ее!

Она не знала, что въ силахъ сдѣлать для Теодора, но желала бъ быть въ состояніи все для него исполнить. Она должна ненавидѣть Европейцевъ; но тѣ, которые умертвили ее предковъ, конечно, не были похожи на сего прекраснаго молодаго человѣка; никому не дозволяется входить во внутренность храма; но обычаи и законы неизвѣстны

чужестранцу; онъ нещастливъ; богъ ее требуетъ, чтобъ она помогла ему; Перуанцы хотѣли лишить его жизни; она должна предохранить ихъ отъ преступленія. Но куда скрыть его? Она не можетъ выйти изъ храма, а подруги ее и жрецы Солнца будутъ ли такъ жалостливы, какъ она? Естьли они предадутъ его, или прольютъ его кровь въ отмщеніе за кровь пролитую Испанцами!... Одна сія мысль заставляла ее трепетать отъ ужаса. Она встаетъ, беретъ Теодора за руку, и ведетъ къ гробницамъ. "Вотъ, говоритъ она, вотъ гробница великаго Капана, отца нашего, основателя сей щастливой колоніи; естьлибъ онъ встрѣтился съ тобою, вѣрно сдѣ-

лалъ бы тоже, что и я, потому что Капана былъ всегда подпорою слабаго и добраго человѣка; пускай гробница его послужитъ тебѣ во первыхъ убѣжищемъ; въ послѣдствіи богъ мой что нибудь внушитъ мнѣ.“

Она отперла дверь монумента; Теодоръ, исполненный благодарностію, упоенный уже любовію, входитъ туда, благословляя ее: молодая жрица осторожно запираетъ его, и возвращается къ жертвеннику.

Тутъ, находясь съ своею совѣстью, она спрашивала себя, и строго разсматривала свое поведѣніе. Она смотрѣла на мущину и позволила ему видѣть себя; сей че-

ловѣкъ осужденъ по законамъ ее отечества; она сама даже клялась вѣчно ненавидѣть всѣхъ Европейцевъ; должна признаться, что преступила свои обѣты, однакожъ не чувствуетъ раскаянія. На что ей рѣшиться? Естьли осмѣлиться продолжать свои свиданія съ Теодоромъ, говорить съ нимъ и ему помогать, то стыдливость ее сего ужасается и суевѣріе въ ней возбуждается. Измѣнить молодому человѣку, вручившему ей жизнь свою... измѣнить ему! это было бъ неслыханное вѣроломство, подлость, жестокосердіе. Но обѣты ее... обѣты! Она простирается предъ образомъ своего бога; умоляетъ его, просвѣтить неопытность ее, управ-

лять ее застѣнчивостію. Она разсматриваетъ свое сердце, находитъ въ немъ только пріятное спокойствіе, послѣдующее за добрымъ дѣломъ. "Я чувствую гласъ неба, говоритъ она; конечно, я подвергаюсь опасности, но сей нещастной не лишится жизни."

Въ сумерки, одна изъ ее подругъ, смѣнила ее, и стала хранить священный огонь. Азили возвратилась въ жилищѣ жрицъ. Теодоръ конечно терпитъ нужду; она сохранила свою часть раздаваемой пищи; его платье изорвано; она беретъ свертокъ бумажной матеріи, и уходитъ съ помощію мрака. Трепещетъ, идетъ колеблющимися шагами по извивистой дорогѣ, которая

должна тайно привести ее къ гробницѣ Капаны; она доходитъ до нее, не будучи примѣчена; тихо, очень тихо отпираетъ дверь, наклоняется, и слабымъ голосомъ зоветъ Теодора: онъ всходитъ по ступенямъ; Азили подаетъ ему сосудъ, наполненный молокомъ, хлѣбъ изъ маиса, матерію чѣмъ одѣться и на чемъ отдыхать: онъ принимаетъ изъ рукъ красавицы сію помощь, которую она предлагаетъ, по мыслямъ своимъ, только страждущему человѣчеству.

Дверь гробницы опять заперта; Азили возвратилась подъ кровъ свой, гдѣ она была прежде такъ спокойна; но единый взоръ Теодоровъ на

вѣкъ лишилъ ее спокойствія. Она ищетъ сна, но сонъ покидаетъ ее : образъ Теодоровъ безпрестанно представляется ей, и Теодоръ, заключенный въ своей гробницѣ, видитъ и думаетъ объ одной Азили.

Пора сказать, какимъ образомъ часть Перуанскаго народа находилась скрыта во внутренности горы, посреди самыхъ Испанскихъ владѣній.

Въ тотъ ужасный день, который Испанія хотѣла бы изгладить изъ памятниковъ исторіи, когда Пизаръ принялъ Атабалипу, пришедшаго къ нему въ видѣ союзника, Капана былъ въ числѣ вельможей, составляющихъ свиту Перуанскаго Императора. Ата-

балипа былъ несенъ на золотомъ престолѣ; оружія его войскъ было покрыто симъ же металломъ; меньшее великолѣпіе воспламенило бы корыстолюбіе въ свирѣпыхъ душахъ; нещастный монархъ требовалъ одного мира; Пизаръ отвѣчалъ пушечною пальбою. Легко можно вообразить, какое дѣйствіе произвелъ надъ Перуанцами видъ лошадей, которые подавляли ихъ, стрѣльба артиллеріи и ружій, подобная грому, но которая поражаетъ вѣрнѣе. Сіи нещастные обратились въ бѣгство; отъ поспѣшности они падали одни на другихъ: кровопролитіе было ужасно; множество князей, изъ рода Инковъ, лучшее дворянство, весь дворъ Атабалипы, бы-

ли преданы смерти; не щадили ни женщинъ, ни стариковъ, ни дѣтей, которые сбѣжались со всѣхъ сторонъ, чтобъ видѣть своего императора, котораго Пизаръ взялъ въ плѣнъ, и заставилъ судей, столько же развратныхъ, какъ и онъ самъ, приговорить его къ смерти.

Капана нѣкакимъ чудомъ избавился отъ сего ужаснаго убійства; будучи человѣкомъ благоразумнымъ, онъ разсудилъ, что оружіе Испанцевъ даруетъ имъ вездѣ побѣду; онъ предвидѣлъ изъ ихъ жестокости совершенное раззореніе своего отечества. Онъ не желалъ лишиться жизни надъ его развалинами, и старался избавиться отъ смер-

ти, безполезной всеобщему благу; рѣшился жить для милой супруги и слабыхъ дѣтей, которыхъ онъ здѣлался единою надеждою, и для тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые будутъ въ состояніи къ нему присоединиться. Онъ прибѣжалъ въ свой домъ: разсказалъ со слезами ужасное зрѣлище, котораго былъ свидѣтелемъ, и будучи терзаемъ отчаяніемъ, онъ покинулъ непріятелямъ своимъ золото и вещи называемыя драгоцѣнными, и избавилъ отъ опасности настоящее свое богатство; скрылъ въ горахъ милое свое семейство.

Всякой день нѣсколько блуждающихъ, бѣжавшихъ не-

щастлицевъ встрѣчались съ нимъ, и были обласканы. Непримѣтно составился изъ нихъ небольшой народъ, которой единогласно выбралъ его въ начальники, но чѣмъ болѣе число осужденныхъ умножалось, тѣмъ труднѣе было жить въ неизвѣстности; правда, что Испанцы не разсѣялись еще по горамъ, гдѣ руды были обильнѣйшія; они грабили дворцы, домы, гдѣ золото находилось безъ труда; но сіе средство должно было скоро истощиться и корыстолюбіе конечно стало бы искать новой себѣ пищи. Рано или поздо Капана и его товарищи должны были подвергнуться неволѣ или смерти, естьли не найдутъ неизвѣстнаго, неприступнаго убѣжища, гдѣ честный чело-

вѣкъ могъ бы жить и умереть спокойно.

Добрый, неутомимый Капана ходилъ по Кордиліерамъ, и не находилъ ни одного мѣста, куда бы корыстолюбивый Испанецъ не могъ пробраться. Онъ возвращался вечеромъ въ свое печальное семейство, будучи терзаемъ горестью и безпокойствомъ, и только во объятіяхъ супруги позабывалъ печаль и усталость свою.

Наконецъ онъ долженъ былъ удаляться на большее разстояніе, но положеніе земли не всегда было способно. Однажды шелъ онъ, по открытому мѣсту, какъ вдругъ отрядъ Испанцевъ, посланныхъ

Пизаромъ для отысканія рудъ, увидѣлъ его. Не льзя было вообразить, чтобъ они вздумали преслѣдовать одного человѣка, которой не могъ безпокоить ихъ; но отъ того ли, что проводники повели ихъ тою дорогою безъ всякаго намѣренія, или потому что они надѣялись получить достовѣрныя извѣстія отъ Капаны, котораго конечно приняли за жителя сихъ горъ, они пошли прямо къ нему.

Индѣйскій князь, который имѣлъ основательнѣйшую причину опасаться, нежели Теодоръ, пустился бѣжать, и щастіе привело его къ подошвѣ горы Каямбуръ, къ тому самому мѣсту, гдѣ съ бодростію и терпѣніемъ можно

на нее взобраться. Сія часть горы скрыта съ правой и лѣвой стороны такими огромными утесами, что Теодоръ никакъ не усмотрѣлъ ее, какъ ни нужно было ему хорошо примѣчать; можетъ быть, это и спасло Капану. Испанцы потеряли его изъ виду; но какое ни было ихъ намѣреніе, онъ увидѣлъ съ площадки, что они возвращались назадъ и пошли своей дорогой.

Капана, не теряя изъ виду своего предпріятія, разсмотрѣлъ мѣсто куда случай завелъ его. Входъ въ пещеру не былъ еще сокрытъ кустарникомъ, и онъ легко его примѣтилъ между деревьями. Сія пещера показалась ему узка, но глубока, и онъ по-

чувствовалъ, сколь много можетъ она споспѣшествовать его намѣреніямъ. Днемъ она будетъ скрывать Перуанцевъ, ночью часть оныхъ пойдетъ рвать плоды, ловить дикихъ ламъ и черпать воду: отъ второй горы отдѣлять нѣсколько огромныхъ камней и будутъ бросать ихъ на Испанцевъ, естьли они откроютъ сіе убѣжище и осмѣлятся напасть на нихъ; наконецъ въ этомъ мѣстѣ будутъ ожидать минуты, которая, можетъ быть, довольно скоро наступитъ, когда непріятели будутъ сражаться другъ съ другомъ оспоривая имѣніе Перуанцевъ, и когда смерть ихъ позволитъ побѣжденнымъ опять обитать

землю, гдѣ они родились, и обработывать ее.

Капана, утвердившись въ этомъ намѣреніи, отложилъ исполненіе до того только времяни, какъ узнаетъ пространство пещеры и средство сдѣлать ее способною для житья. Онъ возвратился къ своимъ; объявилъ имъ свою находку, и не теряя ни минуты, взялъ съ собою нѣсколькихъ неустрашимыхъ людей, которые снабдились съѣстными припасами и факелами, сдѣланными изъ смолистаго дерева. Они приближились къ пещерѣ; взошли въ нее, и огорчились увидя, что она требовала чрезвычайной работы; однакожъ они продолжали путь свой,

нетерпѣливо желая дойти до конца подземелья; они ожидали, что будутъ имъ остановлены, но напротивъ того вышли на сіе обширное поле, гдѣ земля требовала малѣйшаго обработыванія, чтобъ приносить плоды изобильно; они пали на колѣни и лобызали сію спасительную землю, гдѣ могли слѣдовать своимъ законамъ и служить своему богу; радовались препятствіямъ которыя поминутно встрѣчались желающимъ перейти пещеру, и будучи исполнены живѣйшимъ удовольствіемъ, спѣшили раздѣлить его съ своими товарищами.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня колонія предприняла путь къ убѣжищу, гдѣ будетъ

жить въ отдаленіи отъ цѣлаго свѣта. Слезы не льются; не слышно вздоховъ: супругъ съ удовольствіемъ поддерживаетъ улыбающуюся свою подругу; молодая мать ласкаетъ ребенка, котораго далеко отъ убійцъ будетъ воспитывать и кормить спокойно; всѣ несутъ ткани, домашніе приборы, земледѣльческіе, и другія орудія, которыя спасены ими отъ всеобщаго разорѣнія; они не чувствуютъ тягости, и сей походъ подобенъ празднику.

Они употребили цѣлый день, чтобъ взлѣзть на гору; дѣти и старики имѣли нужду въ помощи; всѣ толпились около нихъ; взрослый сынъ шелъ за удрученнымъ

усталостію отцемъ своимъ, и, чтобъ охранить его, самъ подвергался опасности раздробиться объ утесы; дочь подавала руку престарелой матери, чтобъ сберечь ее; нѣжная супруга несла на рукахъ послѣдній плодъ любви своей, и была окружена старшими дѣтьми, которые сохраняли ее и старались уравнивать для нее дорогу; любовникъ помогалъ любовницѣ, а другъ другу; ни одинъ Испанецъ не поселялъ въ нихъ ужаса и не мѣшалъ сему трудному и продолжительному походу. Казалось, что богъ покровительствовалъ остаткамъ безчисленнаго народа, который былъ гнусно побиваемъ во имя его.

Когда послѣдніе взошли на площадку, то всѣ обратились въ сторону Квито. Древній городъ былъ сожженъ и раззоренъ; плодоносное поле, откуда онъ доставалъ пищу свою, было не обработано и пусто; Испанцы искали одного золота. Сіе горестное зрѣлище заставило Перуанцевъ проливать слезы: "перестаньте, сказалъ Капана, перестаньте сожалѣть о томъ, чего богъ лишилъ васъ, а благословляйте его за то, что онъ даруетъ вамъ; вы удивляетесь, что земля сія ничего не приноситъ: ахъ! что можетъ она производить, будучи осквернена преступленіями и обагрена рѣками нашей крови? Земля требуетъ неосквернныхъ рукъ, тру-

довъ и воды; ступайте удобрять другую.“

Тотчасъ бросаются ко входу пещеры, и на разсвѣтѣ вступаютъ въ новое отечество: приваливаютъ камни, закладываютъ внутреннее отверстіе подземелья, отдѣляются отъ человѣческаго рода, и съ порядкомъ, искусствомъ и бодростію принимаются за работу.

Большая часть земли была покрыта золотомъ: сняли сію безполезную кору, и мѣсто ее заняли пататы иньямы и маисъ; въ скоромъ времени подчищенныя и подстриженныя хлопчатыя, пальмовыя, кокосовыя и банановыя деревья стали прино-

сить лучшіе плоды, и разпростирать повсюду тѣнь свою; потомъ построили правильныя жилища; наконецъ сіи кучи золота превратились въ великолѣпный храмъ. Ахъ! когда бы употребляли всегда сей металлъ на подобныя вещи.

Царствованіе Капаны было мирно и спокойно, такъ какъ и народъ, коимъ онъ управлялъ. Перуанцы обожали его при жизни, по смерти оплакивали. Прахъ его былъ положенъ въ священной рощѣ, которую онъ насадилъ своими руками; наслѣдники Капаны чувствуя глубочайшее почтеніе къ его памяти, сохранили даже малѣйшія его установленія; и въ ихъ царство-

ваніе, такъ какъ въ царствованіе Капаны, дѣти сосали съ молокомъ матернимъ ненависть къ Европейцамъ и привязанность къ законамъ своимъ.

Но отъ чего Теодору такъ трудно было найти входъ въ сію пещеру, и какимъ образомъ проходъ остался свободенъ во всемъ пространствѣ подземелья!

Что предвидѣлъ Капана, то и случилось. Пизаръ завелъ войну съ чиновниками своими; чиновники съ другими властолюбцами; звукъ пушечныхъ выстрѣловъ раздался даже во внутренности горы Каямбура. Перуанцы не сомнѣвались, что настало время возвратиться въ любез-

ное отечество: многаго стоило времяни и трудовъ, чтобъ разрыть отверстіе пещеры, они собрались, чтобы выбрать кого нибудь изъ своихъ, и послать его развѣдать, что дѣлается въ долинѣ. Капана хотя былъ и старъ, но никому не хотѣлъ поручить столь труднаго и опаснаго дѣла: онъ объявилъ, что самъ пойдетъ въ Квито. Прозьбы, слезы дѣтей и подданныхъ не могли отвратить его отъ сего намѣренія; онъ сложилъ съ себя знаки достоинства своего, надѣлъ простое платье, и пустился въ путь.

Капана возвратился чрезъ нѣсколько дней, будучи погруженъ въ великую печаль, томясь усталостію, и съ тру-

домъ держался на ногахъ. Его окружили, разпрашивали. Онъ объявилъ, что непріятели ихъ сражались между собою; имѣли нѣсколько кровопролитныхъ битвъ, и такъ ослабѣли, что Перуанцы, которые были разсѣяны, и принуждены укрываться, осмѣлились соединиться и воспріять оружіе; шесть сотъ Испанцевъ пали уже подъ ударами ихъ: они осаждали Кускo и Лиму; все предвѣщало возстановленіе Перуанской Имперіи, какъ войски на помощь прибыли изъ Европы и лишили ихъ такой льстивой надежды. Убійство Перуанцевъ началось съ новою яростію, и Испанцы успавши наконецъ изтреблять, осудили на ру-

докопные заводы остальныхъ нещастныхъ.

Однакожъ мѣры, которыя въ сей разъ остались безъ успѣха, могли получить его въ другой разъ, и такъ рѣшились въ Каямбурѣ, ежегодно посылать одного изъ жителей въ Квито, для развѣдыванія состоянія дѣлъ. Въ этотъ разъ съ великимъ трудомъ разрывали пещеру, и не могли рѣшиться часто возобновлять сію работу; положили, что проходъ останется свободенъ; что скроютъ только наружное отверстіе подземелья, насадивши около его тернія и кустарниковъ; а къ внутреннему будетъ приставленъ безсмѣнный караулъ; и какъ только одинъ человѣкъ

могъ проходить разомъ, то, казалось, легко было побивать Испанцевъ, которые появятся, однихъ за другими.

Долгое время караулъ сей былъ хорошо и строго содержанъ; но все нечувствительно измѣняется. Перуанцы послѣ двухъ сотъ лѣтъ, проведенныхъ въ спокойствіи и щастіи, не желали инаго отечества, перестали посылать въ Квито, и продолжали хранить караулъ, только потому, что Капана учредилъ его, и то исполняли нерадиво; по причинѣ сего-то упущенія Теодору такъ легко было пробраться въ долину.

Виллума, который управлялъ тогда симъ народомъ,

былъ, такъ какъ и его предшественники, государь и вмѣстѣ жрецъ. Онъ былъ лѣтъ сорока; природный умъ его не былъ помраченъ пороками воспитанія; онъ былъ одаренъ великимъ характеромъ, великою твердостію, и присоединялъ къ симъ свойствамъ, нужнымъ для государя, любезность, которая заставляетъ сносить полномочіе. Будучи въ существѣ добръ, онъ пекся единственно о общественномъ благѣ. Можно было укорять его только въ одномъ заблужденіи и въ одной слабости; первое, что вѣрилъ, слѣдуя примѣру отцевъ своихъ, что всѣ Европейцы злодѣи; второе, что равно ненавидѣлъ и боялся ихъ. Онъ готовилъ все для праздно-

ванія того дня, въ который Капана основалъ сію щастливую колонію. Храмъ былъ усѣянъ цвѣтами: мирра, кедръ, алой пылали на жертвенникѣ; жрецы и дѣвы стояли въ святилищѣ; народъ толпился въ преддверіи, которое для него было отворено во время сего празднества. Виллума готовился воспѣть священный гимнъ, какъ главная жрица Анаисъ продралась сквозь толпу, подошла къ нему, и объявила, что Европеецъ взошелъ въ Каямбуръ, но что не могутъ отыскать его.

Перуанцы, которые увидѣли Теодора, но упустили его, внутренно раскаявались въ своемъ нерадѣніи и опасались не строгости, но спра-

ведливости Виллумы; слѣдовательно они не осмѣлились открыть приключенія столь чрезвычайнаго, какъ и ужаснаго. Однакожъ другіе Европейцы могли послѣдовать за нимъ; общественная польза и ихъ собственная безопасность были подвержены; боясь объявить явно то, что знали, они открылись искреннимъ друзьямъ, которые пустили молву, что Каямбуръ находился въ опасности.

Виллума, слѣдуя предразсудкамъ, внушеннымъ въ него воспитаніемъ, долженъ былъ устрашиться того, что объявила ему Анаисъ. Онъ запрепеталъ, воображая безчисленныя нещастія, которыя могли причинить по

его мыслямъ одинъ или нѣсколько Европейцевъ народу, который до тѣхъ поръ умѣлъ только преклонять колѣна. Однакожъ онъ сохранилъ ясность своего лица, и пробѣжалъ взорами собраніе: всѣ лица ему казались спокойны: "народъ, кажется, ничего не знаетъ, сказалъ онъ Анаисѣ; естьли твой страхъ основателенъ; то успѣемъ еще извѣстить его: по тѣхъ поръ пощадимъ его спокойствіе." Онъ отрядилъ нѣсколько Инковъ, съ повелѣніемъ искать, остановить Европейца и удвоить стражу пещеры.

Виллума, пользуясь всегда властью надъ самимъ собою, подалъ знакъ. Флейты, трубы начали празднество;

онъ запѣлъ съ притворнымъ спокойствіемъ священный гимнъ.

Отецъ природы! ты, который изливаешь
Неугасаемы небесные огни;
Ты жертву отъ сердецъ невинныхъ принимаешь;
Мольбы покорныя, о солнце! соверши.

ДѢВЫ.

О солнце, солнце! ты едва свой лучь явишь
И быстро, въ небесахъ едва лишь воспаришь
Сребристой ужъ луны свѣтъ томный изчезаетъ;
Твой лучь мѣльканье звѣздъ и блескъ ихъ затмѣваетъ.

ЖРЕЦЫ.

Когда же отъ земли лучи ты отвращаешь;
Она безъ теплоты, во тьму погружена:

Когда же солнца ликъ опять ты свой являешь,
Пришествіемъ твоимъ земля оживлена.

Народъ повторялъ хоромъ каждую строфу, и Виллума и Анаисъ сошли съ ступеней при звукѣ прекрасной музыки. Дѣвы, покрытыя своими покрывалами, за ними слѣдовали; между ними отличались Элина и Мелоэ, лишь только выступившія изъ дѣтства: они произнесли обѣтъ безпорочности, и не знали ее значенія. Одна несла золотой сосудъ, наполненный молокомъ, другая корзину съ плодами; жрецы шли за сими любезными жертвами: Инки и народъ заключали ходъ, направляющій путь свой къ гробницѣ Капаны.

Чувствительная, трепещущая Азили находилась въ срединѣ подругъ своихъ; ей казалось, что всѣ взоры проникаютъ сквозь сводъ, и усматриваютъ Теодора; ее глаза совершенно устремлены на сіи камни, до сихъ поръ безчувственные и хладные, но теперь оживленные присудствіемъ слишкомъ милаго человѣка. Она желала бы удалить все то, что ни приближается къ гробницѣ; съ трудомъ могла удерживаться, когда до нее прикасались: къ щастію, скромное покрывало, скрывало ее смущеніе и румянецъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Теодоръ увидѣлъ Азили, онъ возчувствовалъ всю пріятность

жизни; а сія мрачная гробница, куда она конечно придетъ, сдѣлалась для него раемъ; но что значитъ сей хоръ, сіи пѣсни? Пришли ли вырвать его изъ милаго убѣжища, гдѣ красавица удостоила его улыбкою? Намѣреваются ли принести его въ жертву богу Перуанцевъ? Азили, любезная его Азили не подвергнулась ли сама бѣдствію, чтобы спасти его?... Нещастный молодой человѣкъ! и такъ ты долженъ испытать попеременно всѣ роды мученій, которые могутъ терзать смертнаго.

Элина и Мелоэ, ставятъ на гробницу сіе молоко, сіи плоды, подносимые благодарностно и общественнымъ почтеніемъ тѣни Капаны; уда-

ляются въ молчаніи отъ сего освященнаго мѣста. Азили и Теодоръ успокоиваются.

Однакожъ Виллума не переставалъ думать о томъ, что сказала ему Анаисъ. Онъ воспользовался случаемъ собранія народнаго, чтобъ напередъ очернить Европейца въ его мысляхъ, и вооружить противу него, естьли онъ способенъ, къ жестокости, или предупредить противу пріятнаго, или прельстительнаго вида, который казался ему еще опаснѣе; онъ взошелъ опять въ преддверіе, и показывая рукою барельефы: "вотъ они, вотъ сіи преступленія, которымъ съ ирудомъ можемъ мы вѣрить, и коимъ потомки наши никогда не по-

вѣрятъ! они изображены здѣсь, на стѣнахъ сихъ. Тутъ тысяща людей, принесенныхъ въ жертву алчности къ золоту; тамъ тысящи людей, осужденныхъ на вѣчный мракъ, томятся во внутренностяхъ земли, которую раздираютъ съ трудомъ; далѣе, матери рыдаютъ, видя грудь свою изсохшею отъ изнуренія, и мѣшаютъ послѣднѣе свое дыханіе съ послѣднимъ дыханіемъ своего младенца; гнусный Валвердъ проповѣдуетъ своего бога съ кинжаломъ въ рукахъ, и утверждаетъ крестъ посреди кучи труповъ... Видите ли вы ихъ, видите ли сихъ чудовищъ, которыя поносятъ природу? они безжалостно раздираютъ утробу, оплодотворенную ею, выры-

ваютъ младенца, разтерзываютъ члены его, и бросаютъ собакамъ... Безбожный родъ, вѣчно ненавистный, проклинаю тебя во имя безчисленныхъ твоихъ жертвъ! Клянитесь со мною, клянитесь, Перуанцы, что не пощадите ни единаго изъ нихъ, естьли случай когда нибудь къ вамъ заведетъ его!“ Народъ повторилъ клятву: Теодоръ услыша содрогнулся; томящаяся Азили не могла устоять: одна изъ дѣвъ поддержала ее, и увела съ собою.

“Тѣ которые умѣютъ ненавидѣть злодѣяніе, продолжалъ Виллума, любятъ прославлять добродѣтель. Вотъ изображеніе почтеннаго друга Мексики и Перу; вотъ онъ

сей Ласъ-Казасъ, котораго черты предала намъ неискусная рука. По крайней мѣрѣ возблагодаримъ его за то добро, которое онъ хотѣлъ бы намъ сдѣлать.“ И Виллума возложилъ на главу добродѣтельнаго Испанца вѣнецъ, сплетенный изъ цвѣтовъ.

Когда празднество кончилось, то народъ, дѣвы и жрецы возвратились въ свои жилища, а Виллума заперся во дворцѣ своемъ; Инки, посланные имъ для отысканія Европейца, тамъ ожидали его, и сказали Виллумѣ, что могли исполнить только часть его повелѣній. Отборная и многочисленная стража была поставлена у отверстія пещеры, и глубокое молчаніе, ко-

торое царствовало во внутренности ее, заставляло думать, что Европеецъ былъ одинъ; но поиски ихъ какъ ни были тщательны, они не могли найти его. Они только узнали, что онъ сперва скрылся въ священный лѣсъ, куда никто не осмѣлился за нимъ слѣдовать, и что съ тѣхъ поръ не видали его.

Ясно было видно, что или жрецы, или дѣвы скрывали его. Виллуму огорчало не преступленіе противу обѣтовъ и законовъ ихъ: давно уже осмѣливался онъ взирать на солнце, и постигалъ, что есть творческая рука, которая скрываясь за симъ блестящимъ шаромъ, питаетъ и плодотворитъ свѣтъ его;

онъ въ тайнѣ обожалъ сего невидимаго Бога, котораго можно чувствовать, но не льзя изъяснить, и естьли онъ поддерживалъ заблужденія своего закона; то сіе дѣлалъ потому, что онѣ были полезны, даруя ему власть надъ мнѣніями; естьли онъ оказывалъ видъ вдохновенія, то потому, что онъ зналъ, какое вліяніе имѣетъ оно надъ народомъ, который раздѣляетъ его, и коему онъ обязанъ храбростію и часто своими добродѣтелями.

Одно забвеніе правъ и общественной безопасности огорчало главнаго жреца. Сіе презрѣніе должностей, даже въ самыхъ исполнителяхъ богослуженія, заставляло его стра-

шиться новыхъ мнѣній, которыя должно было по крайней мѣрѣ укротить: онъ предчувствовалъ, хотя былъ безъ опытности и знаній, что введеніе новыхъ обычаевъ, есть отецъ безпорядка. Онъ повелѣлъ учинить новые поиски въ храмѣ, въ жилищѣ жрецовъ, въ своемъ собственномъ дворцѣ, и поручилъ Анаисѣ строго осмотрѣть убѣжища дѣвъ.

Сіе происходило не отъ того, чтобъ Виллума не чувствовалъ, что одинъ человѣкъ, какъ бы онъ страшенъ ни былъ, не могъ вздумать употреблять силу; но его мнительная предвидимость обнимала все. "Корыстолюбіе, которое, вѣроятно, управляетъ симъ че-

ловѣкомъ, сказалъ онъ Инкамъ, искусно умножаетъ средства. Сей посланецъ отъ непріятелей вашихъ скрываетъ, говорите вы, порочныя свои намѣренія подъ пріятностями молодости: онъ конечно надѣялся симъ заставить васъ принять въ немъ участіе, и симъ же онъ изготовитъ ваше изтребленіе."

"Естьли вы оставите его посреди васъ, то онъ будетъ говорить языкомъ добродѣтели, будетъ имѣть голосъ трогательнаго человѣколюбія; правда явится на языкѣ его, а вѣроломство будетъ въ сердцѣ. Онъ употребитъ увѣреніе, обманетъ неопытность, нечувствительно удалитъ васъ отъ обычаевъ и нравовъ вашихъ,

изтребитъ ненависть къ убійцамъ вашихъ предковъ, примиритъ васъ съ ними, и наконецъ откроетъ имъ входъ въ сію долину."

"Естьли вы отпустите его къ своимъ; то онъ подастъ имъ новый способъ для удовлетворенія ненасытной ихъ скупости. Сіи люди, противу которыхъ ничто устоять не можетъ, преодолѣютъ границы, положенныя имъ природою; они разсѣятся посреди васъ, какъ свирѣпый все разрушающій потокъ; повсюду понесутъ мечь и пламя, горесть и смерть. Я вижу разрушенный храмъ сей, изтребленныя жатвы, женъ, дѣтей вашихъ бѣгущихъ изъ подъ пылающихъ крововъ сво-

ихъ, и съ воплемъ зовущихъ васъ, прижимающихъ васъ въ слабыя объятія свои и падающихъ у ногъ вашихъ подъ ударами убійственнаго меча. Вы поднимаете, прижимаете къ сердцу сіи безчувственные остатки; слеза блистаетъ въ глазахъ вашихъ; сія слеза есть преступленіе, и ваша кровь мѣшается съ кровью жертвъ, оплакиваемыхъ вами. Огорченный богъ вашъ скрываетъ лучи свои; при свѣтѣ зари ищетъ онъ дѣтей своихъ, а родъ ихъ уже изчезъ навѣки. Онъ освѣщаетъ только трупы злодѣевъ и золото. Отыщите Европейца; онъ долженъ умереть! — Онъ долженъ умереть, повторили Инки, воспламененные его пророческою рѣчью!“

Они разсѣеваются посреди народа; возбуждаютъ, внушаютъ во всѣхъ священную ярость, воспламеняющую ихъ.

Но что сдѣлалось съ Азиліею, когда она услышала сіи крики осужденія, когда она увидѣла жрецовъ и подругъ своихъ, бѣгающихъ по разнымъ мѣстамъ для отысканія нещастнаго? Она выбѣжала изъ среди шума, безпорядка царствующаго въ храмѣ, и полетѣла къ священному лѣсу. Будучи объята страхомъ и смятеніемъ, она устремила взоры свои на мѣсто, гдѣ находились гробницы; никто не подходилъ и не шелъ къ нимъ, отъ того ли, что они избѣгнули отъ вниманія, смущаемаго безпокой-

спвіемъ, или опъ того, что воображали невозможнымъ потревожить жилище мертвыхъ и ругаться ихъ прахомъ.

Гробница Капаны имѣла для нее силу магнипа; непреоборимая сила влекла ее къ ней; будучи въ нерѣшимоспи и не въ силахъ предпринять что нибудь, она чувствовала однакожъ, что должно рѣшиться; но ничего удовлетворительнаго не представлялось ее разуму. Все воспрещало ей хранить Теодора; ему должно бъ было провесспи жизнь въ мрачной гробницѣ; удалить его? онъ унесетъ съ собою ее сердце, жизнь, однимъ словомъ, все; она боялась это сказать себѣ, но не могла утаить. Какая же въ томъ нужда? Онъ не бу-

детъ жить въ безпрестанномъ недостаткѣ и страхѣ: онъ долженъ уйти; должно къ этому приготовить его. Но осмѣлится ли она днемъ отпереть гробницу и говорить съ иностранцемъ?

Невиннѣйшая изъ женщинъ не ошибается въ чувствахъ, внушаемыхъ ею: Азили предвидѣла, что должна будетъ отвергать прозьбы, слезы, а можетъ быть, и рѣшительные отказы. Не легко увѣрить молодаго двадцатилѣтняго человѣка, оставить обожаемый предметъ: и такъ разговоръ долженъ быть продолжителенъ. Естьли она отложитъ его до ночи, то Теодоръ, успокоенный мракомъ, еще долѣе будетъ

сопротивляться и потеряетъ въ пустыхъ спорахъ минуту, способную для его бѣгства: слѣдовательно она должна тотчасъ говорить съ нимъ. Она думаетъ, что уступаетъ разсудку, но неосторожная внимаетъ только нетерпѣливымъ желаніямъ своего сердца.

Она обращается къ жертвеннику: Элина охраняетъ священный огнь, Мелоэ находится возлѣ нее; ребяческій разговоръ чрезвычайно занимаетъ ихъ. Впрочемъ Элина не можетъ удалиться отъ огня; деревья скрываютъ гробницу Капаны и не позволяютъ видѣть ее изъ святилища. Азили увѣряется, что ей нѣчего страшиться. Бѣдственное спокойствіе!

Она отворяетъ дверь; Теодоръ усматриваетъ ее: летитъ на верхъ лѣстницы, хватаетъ руку, которую не думаетъ отнять; цѣлуетъ ее съ почтеніемъ, благодарностію, по крайнѣй мѣрѣ такъ думаетъ, и сей поцѣлуй довершаетъ гибель Азили. Они не принимаютъ болѣе никакихъ предосторожностей, не внимаютъ гласу благоразумія; онъ сидитъ на камнѣ близъ гробницы, она наклонилась надъ нимъ: Азили улыбается и ласково смотритъ на Теодора; позабываетъ своего бога, храмъ и жрицъ. Слово *любовь* не произнесено еще: ахъ! что значитъ слово, когда они совершенно преданы упоенію.

Она говоритъ своему лю-

безному Теодору о опасностяхъ, угрожающихъ ему; Теодоръ прерываетъ рѣчь ее и говоритъ объ одной Азили. Она хочетъ, чтобъ онъ вышелъ изъ Каямбура; онъ не въ силахъ и не хочетъ сего исполнить: "ты осужденъ на смерть, говоритъ она ему. — Лишиться тебя, значитъ умереть. — Я умру, естьли найдутъ тебя! — Ну, такъ будемъ жить одинъ для другаго! Вѣрный способъ... — Ахъ! изъ милости не сказывай мнѣ его. — Какъ, твой богъ... — Не хули его; онъ богъ отцевъ моихъ. — Какъ! обѣты, отвергаемые природою... — Они не мнѣ одной угрожаютъ; моя мать за меня отвѣчала: развѣ ты хочешь, чтобъ я предала ее на казнь? — Я

былъ бы преступникъ, когда бъ прибавилъ единое слово.— Теодоръ, сего вечера при помощи мрака, ты пойдешь ко входу пещеры и отыщешь его. — Сего вечера! — Все трепещетъ здѣсь при одномъ имяни Европы. Будь отваженъ, и стража разсѣется передъ тобою. — Сего вечера! — Такъ должно. — Не могу. — Сдѣлай что нибудь для Азили; докажи ей свою благодарность. — Ты этого требуешь? — Умоляю тебя. — Такъ я пойду; покину мѣста, въ которыхъ божество являлось мнѣ въ видѣ твоемъ. И я пойду... одинъ? Одинъ, отвѣчаетъ Азили вздыхая и отвращая глаза. — Прощай же, продолжаетъ Теодоръ съ чрезвычайною горестью! — Прощай навсегда! повторяетъ

молодая жрица, и слезы орошаютъ лице ее.“

Одно чрезъестественное усиліе могло удалить ее отъ гробницы; она имѣла силу сдѣлать его, но была такъ слаба, что оглянулась назадъ. Она увидѣла Теодора на колѣняхъ: руки его простерты къ ней; она остановилась, и лишилась силы сдѣлать единый шагъ далѣе; ноги ее были будто прикованы къ землѣ, объятія ее невольно разверзлись; пылкій, страстный Теодоръ бѣжитъ, бросается въ нихъ: Элина и Мелоэ испускаютъ крикъ ужаса; Азили отвѣчаетъ воплемъ страха.

Она позабыла себя, чтобъ думать только ... должно

сказать все, чтобъ думать только о своемъ любовникѣ. Она закрываетъ его собою, толкаетъ къ гробницѣ, вводитъ въ нее, и позабываетъ запереть дверь; Теодоръ тащитъ ее за собою, и клянется остаться до тѣхъ поръ, какъ рѣшится судьба жрицы.

Добрая, сострадательная Азили надѣется, что молодость не жестокосерда. Она говорила своимъ подругамъ, просила, умоляла ихъ, чтобъ они были человѣколюбивы и скромны; но она видитъ, что фанатизмъ не знаетъ ни уваженія, ни дружбы; что оно презираетъ ее, презираетъ связи родства; однимъ словомъ, угнетаетъ природу. Элина и Мелоэ отвѣчаютъ

ей одними упреками и угрозами. Азили рыдая, выходитъ изъ храма, идетъ готовиться на казнь, опредѣленную преступившимъ обѣтъ свой жрицамъ. Но смерть не будетъ для нее столь жестока, потому что Элина и Мелоэ не знаютъ, куда она сокрыла Теодора.

Однакожъ сіи двѣ молодыя жрицы, будучи увѣрены, что самъ богъ ихъ повелѣваетъ жестокость; что противиться ему, есть святотатство; молчать тоже, что участвовать въ преступленіи Азили; сіи молодыя дѣвы, рѣшившіяся обвинить ее, не были столь ожесточены, чтобы мысль о казни не заставляла ихъ трепетать. "Мнѣ

мечтается смерть ее, говоритъ Элина.— А мнѣ кажется, слышу ее вопли, отвѣчаетъ Мелоэ.— Но естьли мученія ее пріятны нашему богу?— Нашему богу? ахъ! развѣ онъ не отецъ ее?— Элина?— Мелоэ?— Не чувствуешь ли ты, такъ какъ я...— Да, движенія жалости.— Любви, привязанности.— Укротимъ ихъ.— Такъ! укротимъ ихъ. Мы должны трепетать, обожать, обвинять. Ты стоишь?— А ты?— Я боюсь изъясниться.— Ахъ! говори; добрыя сердца понимаютъ другъ друга.— Естьли сіи восторги, которые показались намъ порочными, были только изліяніе чувствительной души...— Единая жертва человѣколюбію.— Можетъ быть, неща-

стіе завело къ намъ сего чужестранца. — Онъ прекрасенъ. — Онъ не можетъ быть золъ. — Онъ одинъ. — А одинъ человѣкъ не можетъ истребить государства. — По этому Азили невинна? — Я желаю этого. — Я такъ думаю. — Поди же, успокой ее, проси прощенія. — Я получу его; Азили не умѣетъ ненавидѣть. — Поди, Мелоэ, поди, другъ мой!“

Она шла къ ней, когда Виллума, безпокоясь болѣе, нежели прежде о безполезности своихъ поисковъ, явился въ свящилище; за нимъ слѣдовали жрецы и дѣвы. Будучи увѣренъ, что кто нибудь изъ нихъ скрываетъ Теодора, и надѣясь, что

тайное его убѣжище было извѣстно многимъ, онъ хотѣлъ еще испытать силу суевѣрій закона, чтобъ получить наконецъ признаніе, которое одно могло возвратить спокойствіе душѣ его. Онъ льстилъ, просилъ, ласкалъ, доходилъ даже до угрозъ, призывалъ бога, говорилъ его имянемъ; движенія, тревожущія его, придали къ его краснорѣчію непреоборимую силу: она была такова, что Элина и Мелоэ, пораженныя священнымъ ужасомъ, подошли къ Анаисѣ и наименовали Азили.

Нещастная жрица была въ своемъ жилищѣ, гдѣ скрывала свою печаль, любовь, мученія и отчаяніе. Вил-

лума велѣлъ привести ее въ освященный лѣсъ, надѣясь, что видъ сего почитаемаго мѣста сильно будетъ дѣйствовать надъ нѣжными органами и придастъ силы его упрекамъ и прозьбамъ. Онъ чрезвычайно любилъ сію молодую дѣву, и будучи слишкомъ разуменъ и великъ, чтобъ быть жестоку, онъ желалъ спасти ее; и такъ онъ не хотѣлъ имѣть никого свидѣтелемъ разговора, который желалъ имѣть съ нею, и онъ выслалъ всѣхъ, когда она явилась.

Сперва онъ старался лишить ее всѣхъ способовъ, заперетьсяся въ чемъ нибудь и даже защищаться, поселяя ужасъ во всѣ ея чувства:

онъ началъ сказавъ ей прямо, что притворство будетъ безполезно, ибо Элина и Мелоэ все открыли. "Элина, Мелоэ! вскричала Азили, обливаясь слезами; Элина, Мелоэ! жестокія! — Онѣ исполнили свою должность, а ты преступила ее. Вотъ образъ божества, которому ты посвятила свое существованіе, и для котораго единственно ты должна была жить; вотъ жертвенникъ, надъ которымъ ты произносила свои обѣты; вотъ драгоцѣнные остатки основателей сего Государя; и сіе освященное мѣсто, сей священный ужасъ, внушаемый имъ, величественная тишина гробницъ, ничто не трогаетъ твою оскверненную душу; истина блуждаетъ на языкѣ

твоемъ, но я не могу узнать ее: безумная страсть поселилась въ твоемъ сердцѣ. Ты прервала всѣ связи, соединяющія тебя съ добродѣтелью, и смѣлость твоя основана только на порокѣ. Преступленія Европейцевъ, изображенныя на сихъ стѣнахъ, поражаютъ здѣсь взоры твои, и здѣсь же ты прижимаешь къ сердцу Европейца. Твое непостижимое безуміе осквернило все въ этомъ храмѣ, даже воздухъ, которымъ здѣсь дышемъ; развратъ достигъ до высочайшей степени; самые упреки мои не трогаютъ тебя! — Я не заслужила ихъ, отвѣчала Азили съ робостію. — Ты заслужила смерть! отвѣчаетъ Виллума, ужаснымъ голосомъ. — Смерть! повторяетъ оцѣпе-

нѣвшая отъ ужасу жертва. — Тебѣ извѣстенъ законъ; онъ ужасенъ, неизбѣженъ. — Смерть! — Ты трепещешь! Позабудь свое заблужденіе, и окажи раскаяніе. — Оно не терзаетъ меня!“

“Бѣдственное ослѣпленіе! Азили, мнѣ должно бъ было, внимая единому своему негодованію, исполнить въ сію же минуту горестную должность свою: но я не изъ числа сихъ жестокосердыхъ жрецовъ, поспѣшающихъ представить богу дань горестей. Я помню, что былъ тебѣ отцемъ; я чувствую, что еще отцъ же, и желалъ бы тѣмъ же остаться! Скажи одно слово, и ты будешь спасена. — Скажу, естьли возможно. —

Ты ввела Европейца въ сей священный лѣсъ: въ немъ осматривали всѣ потаенныя мѣста, но Европейца не могутъ найти: гдѣ онъ? Скажи мнѣ и я тотчасъ превращу твое преступленіе въ добродѣтель. Я скажу, что ты польстила врагу нашему для прібрѣтенія его довѣренности; что ты превозмогла омерзеніе, имъ тебѣ внушаемое, единственно для того, чтобъ легче было намъ его выдать. Я увѣрю величайшее число, заставлю прочихъ молчать; ты будешь пользоваться всеобщею благодарностію: говори, судьба твоя въ твоихъ рукахъ! — Я не выдамъ невиннаго . . . — Не суди своего сообщника. — На вѣрную смерть. — Такъ, онъ умретъ! — Нѣтъ, я

не буду укорять себя въ его смерти!“

“По этому ты не страшишься моей власти, и пренебрегаешь мои милости? — Я почитаю тебя, уважаю; но умѣю терпѣть и молчать; я нещастна, но рѣшилась на все. — Рѣшилась, говоришь ты? ты пожертвовала бы собою идолу, избранному тобою!... Безумная! естьли сердце твое неприступно страху; естьли обѣщанія не трогаютъ его, то не ужели будетъ оно противиться и природѣ? Или забыла ты, что мученіе ужаснѣйшее, нежели самая смерть, отправитъ послѣдній часъ твой? Мать твоя не ручалась ли жизнію за вѣрность твою къ богу? — Мать моя!...

мать моя, вскричала устрашенная Азили! — Ее вырываютъ изъ подъ мирнаго крова, укоряютъ въ преступленіи, въ которомъ она не участница, наказываютъ ее за него; но ты первая осуждена спрадать въ глазахъ твоихъ раздирать утробу, которая носила тебя, и сіи два источника жизни, которые подкрѣпляли твое слабое существованіе... — Ты терзаешь меня... перестань. — Горестные взоры ее, по среди ужасовъ продолжительной смерти, обращаются на тебя, на тебя, которая посрамила семейство свое, но которая можетъ еще принести ему честь; она испускаетъ духъ; ты также умираешь, умираешь неоднократно и ненависть, омерзеніе негодую-

щаго народа сотовариществуютъ тебѣ, преслѣдуютъ тебя даже въ глубину гроба. — Моя мать! моя мать! повторяетъ Азили слабымъ голосомъ! — Безчеловѣчная дочь, тебѣ остается одна минута, и ты можешь колебаться! — Нѣтъ... нѣтъ... я рѣшилась!... — Нещастная! сказывай же, говори: гдѣ врагъ нашъ, гдѣ онъ? — Здѣсь! сказалъ Теодоръ, вышедъ изъ гробницы, и съ рѣшимостію представъ предъ главнаго жреца."

Сей молодой человѣкъ не могъ долѣе выдержать жестокаго состоянія, въ которомъ находилась Азили; она хотѣла пожертвовать собою за него; онъ принесъ себя за нее въ жертву. Онъ не же-

лалъ, не требовалъ другой милости, какъ только той, чтобы главный жрецъ сдержалъ слово, данное имъ молодой дѣвѣ.

Всякой великодушной поступокъ сильно трогалъ Виллуму. Онъ былъ пораженъ великодушіемъ Теодора, тронутъ его молодостію и красотою: онъ колебался нѣсколько время между тѣмъ, что почиталъ нужнымъ, для безопасности Каямбура, и чувствами, внушаемыми ему человѣколюбіемъ. Азили, которая примѣчала все, видитъ его нерѣшимость, бросается къ ногамъ его и требуетъ пощады своего любовника. Виллума, тронутый ею, былъ готовъ согласиться; но предразсужденія его противу Евро-

ны, страхъ который онъ внушилъ Инкамъ и народу, возродились съ большею силою: въ ту минуту, какъ онъ представилъ себѣ Теодора свободнаго посреди Перуанцевъ или возвратившагося въ Квито, онъ забылъ, что онъ самъ человѣкъ, и вспомнилъ двоякія свои должности, царствованія и священства. Онъ ударилъ въ ладоши; вдругъ Инки, вооруженные копьями, стрѣлами, и топорами явились и окружили Теодора.

Азили думала, что хотятъ его умертвить въ глазахъ ее; она видѣла его одного, имъ однимъ могла заниматься; должность, польза ее матери и собственная ее, все изгладилось изъ памяти

Азили; она думала, что все нашла въ Теодорѣ. Самое присудствіе Виллумы не могло удержать ее; она хотѣла броситься къ своему любовнику... "Безразсудная! ты губишь себя, сказалъ ей тихимъ голосомъ главный жрецъ." Она ничего не слышитъ, бросается въ средину Инковъ, прижимаетъ къ сердцу Теодора, и проситъ Перуанцевъ, поразить ее прежде обожаемаго ею человѣка; но вдругъ опомнясь и ужаснувшись признанія, излетѣвшаго изъ устъ ее, она вспомнила картину, которую Вилмума представилъ ея устрашенному воображенію: "мать моя!... мать моя!" воскликнула она и упала въ обморокъ.

Явность признанія и пылкость любви ее не позволяли болѣе Виллумѣ предпринимать что нибудь въ ее пользу. Могъ ли онъ подать примѣръ неповиновенія законамъ, онъ, которому особо было поручено ихъ поддерживать, и заставлять имъ повиноваться? Онъ приказалъ взять Азили подъ стражу и воздохнулъ давая сей приказъ, которой былъ исполненъ съ холоднымъ жестокосердіемъ фанатизма.

Непорочность и невинность сихъ народовъ были такъ велики, что законы, которые предвидѣли преступленія, никогда не бывали принуждены наказывать ихъ. Въ Каямбурѣ неизвѣстны были даже сіи темницы, кото-

рыми усыпана Европа, и которыя почти всегда наполнены нещастными. Азили и Теодоръ были отведены въ домъ одного изъ жителей, и ихъ охраненіе было поручено Инкамъ.

Виллума воображалъ, что спасеніе цѣлаго народа заключалось въ смерти молодаго человѣка, и онъ утвердился въ намѣреніи, принести его въ жертву. Огорчаясь смертію Азили, онъ хотѣлъ по крайнѣй мѣрѣ уменьшить печаль ее, не соединяя судьбу ее съ судьбою матери, и для того не отдавалъ никакого повелѣнія касательно до сей послѣдней. Суевѣрная набожность нѣкоторыхъ Инковъ предупредила его: они схватили сію неща-

стную мать и притащили предъ главнаго жреца. Нѣсколько человѣкъ изъ народа слѣдовали за нею съ крикомъ, требуя ее казни. Виллума не имѣлъ права сему противиться, а еще менѣе помиловать. Должно было увѣрить разъяренныхъ людей; и онъ осмѣлился это предпринять. Повелѣлъ собрать народъ, которой будучи законно созванъ, одинъ имѣлъ право рѣшить въ такомъ случаѣ; онъ приказалъ представить предъ него всѣхъ виновныхъ.

Азили, пришедъ въ чувство, увидѣла себя возлѣ Теодора; отъ нее не слышно жалобъ; она не спускаетъ съ него взоровъ. Глухой шумъ поражаетъ слухъ ихъ; они вни-

маютъ ему и изъ нѣсколькихъ словъ узнаютъ, что жители долины соберутся, и что они должны будутъ предстать передъ нихъ. Теодоръ ободряется: онъ надѣется тронуть сердца; полагается на молодость, пріятности, невинность Азили. "Нѣтъ, говоритъ онъ, мы не умремъ; человѣколюбіе обитаетъ во всѣхъ климатахъ; кто говоритъ его языкомъ, того вѣрно будутъ слушать; кто же слушаетъ нещастнаго, тотъ скоро будетъ его другомъ.— Любезный Теодоръ, не ужели ты надѣешься одержать побѣду надъ главнымъ жрецомъ? Ты подобенъ безсильной волнѣ, разбивающейся объ утесъ.— Утесъ разбивается иногда громомъ, и любовь народная не

надежна. Пускай выслушаютъ меня и я получу свободу вмѣстѣ съ тобою; мы выдемъ изъ Каямбура, и найдемъ въ мірѣ уголъ, въ которомъ будемъ обитать спокойно. — Ахъ! пустыню и твое сердце. — Твое украсило бы ее. Не имѣя другой нужды, какъ любить тебя, другихъ желаній, какъ тѣ, которыя ты возбуждаешь, находя въ тебѣ одной мое отечество, мое семейство, цѣлый міръ, я буду заниматься одной тобою. — Ты описываешь самый рай. Ахъ! продолжай, продолжай... — Мои нѣжныя попеченія будутъ простираться также и на мать твою... — Мою мать!.. Нещастный! ты разрушилъ очарованіе, привелъ меня въ память; эта минута ужасна

Слушая тебя я забывала сильныя права природы! Моя мать, одна мать моя должна занимать меня, а я совершенно предалась любви своей!... За что ты такъ мучишь меня?— Азили!— Неси въ другія мѣста сіи вѣроломныя прелести, которыя погубили меня. Жестокой человѣкъ! за чемъ увидѣла я тебя? Я не знала щастія, но страхъ, и раскаяніе были мнѣ неизвѣстны. Ты явился: я позабыла и измѣнила въ одну минуту своему богу, матери, самой себѣ; образъ твой занималъ меня днемъ, мучилъ ночью, преслѣдовалъ даже до самаго жертвенника... Варваръ! отдай мнѣ моего бога, мою добродѣтель, мой разсудокъ; отдай мнѣ мать мою, отдай мнѣ

ее!... Прошу тебя на колѣняхъ... Сжалься надъ моимъ отчаяніемъ... Моя мать... Моя мать! Ахъ, сжалься надо мною. — Успокойся, моя Азили... Не увеличивай моихъ страданій. — Ты говоришь мнѣ... Я слышу голосъ твой; онъ все еще проникаетъ въ мое сердце... Мнѣ кажется, что это виновное сердце хочетъ вырваться изъ груди моей, чтобъ соединиться съ твоимъ... Твои слезы льются на руки мои; они жгутъ ихъ, проходятъ въ мои жилы... Нѣтъ, я не могу побѣдить себя; нѣтъ, никогда не одержу побѣды!... Осуши слезы свои, нещастный, онѣ увеличиваютъ горесть мою... Я не укоряю тебя; мнѣ не въ чемъ тебя упрекать; не

ты меня прельстилъ. Ненавистное божество привело меня въ заблужденіе!“

Глубокое уныніе объяло Азили послѣ сего изліянія сердца, волнуемаго въ одно время всѣми страстями. Теодоръ не смѣлъ болѣе подойти къ ней; онъ боялся даже встрѣтить взоры ее, сіи взоры, въ которыхъ онъ прочелъ свое щастіе. Онъ отошелъ отъ нее, покрылъ лице руками, и скрывалъ отъ Азили слезы, которыя заставляли его проливать состояніе его и ее укоризны: “я опечалила тебя, сказала она ему; прости мнѣ, другъ мой, прости!... Знаю ли я, что дѣлаю, и что говорю!“ Азили подала ему руку; Теодоръ схватилъ ее,

прижалъ къ сердцу, и они соединили вздохи и души свои.

Все было приготовлено на площади для совершенія правосудія. Всѣ шли при звукѣ печальной музыки потупивши глаза и имѣя на головахъ покрывала: день, въ который должно было показывать преступниковъ, былъ день праура. Четыре Инка несли златый престолъ Виллумы: жрецъ-владѣтель возсѣлъ на него. Анаисъ стояла по правой сторонѣ, а жрецы и дѣвы кругомъ престола; вооруженные Инки готовы были исполнить повелѣнія Виллума; народъ наполнялъ площадь и выходы: привели Теодора, Азили и мать ее; Анаисъ подала знакъ

дѣвамъ: они взяли Азили изъ средины стражей, сняли съ нее вѣнецъ, покрывало и дѣвственной поясъ; длинные и бѣлокурые волосы развѣвались по плечамъ ее. При семъ видѣ ее мать испустила громкій крикъ; Азили увидѣла ее и хотѣла къ ней броситься, но подруги Азили съ жестокостью, подолгу своему, ее удержали, и объявили, что связи родства прерваны ею: Азили лишилась чувствъ въ рукахъ ихъ.

Виллума приготовилъ въ пользу матери средства, которыя, казалось ему, должны были одержать побѣду; онъ ласкался надеждою, что справедливость и его вліяніе одержатъ верхъ надъ слѣпымъ

усердіемъ, которымъ легко будетъ управлять. Онъ взялъ Квипы закона, произнесъ громкимъ голосомъ опредѣленіе, которое Манко издалъ противу жрицъ, преступившихъ свои обѣты, и замѣтилъ, что тутъ не находилось ни единаго слова, которое можно бъ было истолковать во вредъ родителямъ сихъ нещастныхъ. Онъ показалъ, что наслѣдники Манкины по нескромному усердію, распространили законъ сей; что мать Азили была невинна въ преступленіи своей дочери, и что невинная кровь должна ужасать бога ихъ. "Сія женщина, примолвилъ онъ, произошла отъ Капаны; она исполнила должности супруги, матери и подданной; долго пользовалась моимъ уваже-

ніемъ и вашимъ почтеніемъ; кто изъ насъ осмѣлится представить на жертву сію добродѣтельную женщину? Добродѣтели ее защищаютъ отъ орудія казни; онѣ говорятъ громче закона, противуполагаемаго имъ. Сей законъ не справедливъ, слѣдовательно онъ происходитъ не отъ бога."

Ропотъ неудовольствія прервалъ Виллуму: онъ не потерялся; поспѣшилъ продолжать рѣчь свою, зная навѣрно, что успокоитъ умы, когда будетъ только въ силахъ заставить себя слушать: "я знаю, что не принадлежитъ мнѣ перемѣнять обычаи, освященные вѣками; я долженъ былъ объявить вамъ то, что думаю; я это сдѣлалъ; одни

вы имѣете право рѣшить, одни вы и рѣшите. Я отдаю вамъ сію нещастную мать; вручаю ее вашей справедливости. Естьли которой нибудь изъ васъ не внимаетъ воплямъ человѣчества, воплямъ, раздающимся во всѣхъ сердцахъ и возвышающимъ того, который внимаетъ имъ; когда есть единый Перуанецъ, жаждущій крови, то пускай онъ явится, пускай насытится кровію сей жертвы; вотъ она: моя спасительная рука покидаетъ ее. Но помните, что кровь, текущая въ жилахъ ее, есть кровь Капаны, которой спасъ отцевъ вашихъ и даровалъ вамъ существованіе!“

Виллума умолкъ, и смот-

рѣлъ около себя; самые необузаннѣйшіе изъ народа молчали, потупя глаза, и краснѣясь упрекали себя въ движеніи, отвергаемомъ ихъ природною добротою; они сами подошли къ матери Азиліиной и прервали узы ее. "Такъ! продолжалъ Виллума, я зналъ, что вы признаетесь въ своемъ заблужденіи, и что невинность будетъ священна дѣтямъ солнца; отведите сію женщину домой; утѣшьте ее въ томъ нещастіи, что она мать и приготовьте ее, лишиться сего достоинства."

Сія нещастная оборотилась къ своей дочери. Ее удалили отъ горестнаго зрѣлища, ласкали, и пеклись объ ней: стѣсненное сердцеАзи-

ліино еще минуту наслади-
лось удовольствіемъ.

Главный жрецъ желалъ смерти единаго Теодора. Радуясь, что спасъ одну жертву, онъ хотѣлъ сдѣлать еще болѣе. Ахъ! естьлибъ могъ онъ избавить Азили отъ строгости закона; но сей законъ былъ ясенъ и не возможно было перетолковать его въ пользу молодой дѣвы.

Сверхъ того народъ доказалъ уже ропотомъ привязанность къ своему закону; защищать Азили, значило хотѣть воспламенить умы, подвергнуть опасности свою власть, и произвести бунтъ, который могъ быть для него бѣдственъ, или по крайней

мѣрѣ ввергнуть народъ въ раздоры, которые онъ хотѣлъ предупредить смертію молодаго человѣка, о которомъ внутренно сожалѣлъ. Немного подумавъ, онъ разсудилъ, что Азили должно принести въ жертву самому себѣ, а можетъ быть и всеобщей безопасности. Собственная польза возвысила голосъ свой, и сколько покровительствовалъ онъ матери, столько же преслѣдовалъ дочь. Онъ оборотился къ ней и принявши на себя сей строгій видъ, который былъ ему обыкновенъ, по привычкѣ притворствовать, сказалъ ей. "Азили, ты пострамила важную свою должность; богопротивная любовь проникла въ сердцѣ твое; и ты ее при всѣхъ

объявила. Что будешь теперь отвѣчать? — Я перестала бояться за мать свою, отвѣчала ему Азили, и получаю опять свою смѣлость. Я перестаю быть сею застенчивою дѣвою, которая льстила самой гордости твоей. Мнѣ нѣчего уважать болѣе; я буду говорить передъ симъ народомъ, который оказалъ уже свою справедливость, и можетъ еще оказать ее.“

“Когда я посвятила себя священнослуженію и клялась, никогда ничего не чувствовать, никогда никого не любить, разумѣла ли я, что обѣщала? Лишь только вышедъ изъ рукъ природы, я еще не знала себя. Когда любовь моя есть преступленіе, то по-

что сей страшный богъ не ожесточилъ моего сердца въ ту минуту, какъ я поносила власть его, осуждая себя на ничтожество? Что я говорю! Возможно ли не познавать сей непреоборимой власти, по очаровательному чувству, которое проникаетъ и наполняетъ мое сердце? Сіе небесное пламя, не естьли божественное вліяніе? Кто другой, какъ не богъ, могъ внушить въ насъ любовь? И онъ вооружился бы противу меня, наказалъ бы меня за мою слабость, завелъ бы между собою и мною неровный бой. Прочь отъ насъ сіи огорчительныя мысли. Ни которая часть моего существованія не происходитъ отъ меня самой, и уступая моему

сердцу, я повинуюсь моему богу.“

“Говорятъ, что я увеличила свое преступленіе, полюбя Европейца. Развѣ солнце освѣщаетъ одну долину Каямбура? Люди всѣхъ климатовъ, оживляемые его теплотою, не всѣ ли равно его дѣти? Отвѣчайте всѣ вы, слушающіе меня. Естьли бъ сей нещастный молодой человѣкъ, блуждающій, преслѣдуемый, упалъ къ ногамъ котораго нибудь изъ васъ, и сказалъ ему: Перуанецъ! я не злодѣй; Испанцы были варвары, и ты не захочешь походить на нихъ; будучи осужденъ здѣсь на смерть, я полагаюсь на твою честность, ввѣряюсь твоимъ добродѣ-

телямъ; кто изъ васъ, употребляя во зло его довѣренность, могъ бы подло измѣнить ему? Кто изъ васъ не слѣдовалъ бы первому движенію своего сердца? Народъ! вотъ что я сдѣлала; я избавила сего нещастнаго отъ вашей ярости; скрыла его во гробницахъ отцовъ вашихъ; заключила невинность въ послѣднее убѣжище добродѣтелей."

"Нѣтъ, я не пострамила своей должности; я прославила божество, послѣдуя его благодѣтельности; одни тѣ, которые описываютъ бога по своему образу и представляютъ его столько же свирѣпымъ, какъ они сами прогнѣвляютъ его."

Сія рѣчь должна была привлечь всѣ сердца, или совершенно раздражить людей, которыхъ суевѣрія она совершенно опровергала. Раздался глухой шумъ; Виллума, готовый принять все то, что было выгодно для жрицы, подождалъ, прежде нежели рѣшиться, чтобъ онъ могъ судить о дѣйствіи, которое произвела Азили. Напротивъ того, чтобы увидѣть на лицахъ увѣреніе, онъ примѣтилъ одинъ гнѣвъ и негодованіе. "И такъ, сказалъ онъ, Азили, твое безбожіе ничего не щадитъ, и богохуленіе оскверняетъ языкъ твой! Ты, которая сотворена, чтобъ повиноваться и молчать, ты обвиняешь бога въ томъ, что онъ не перемѣнилъ для те-

бя порядка природы! Онъ долженъ былъ, говоришь ты, угасить безбожное пламя въ твоемъ сердцѣ: ты сама бы должна была противиться оному, и пальма добродѣтели ожидала бъ тебя послѣ побѣды. Ты сожалѣешь о томъ, что опредѣлила себя на служеніе олтарей! Чья судьба была завиднѣе твоей? Будучи органомъ самаго бога, тебѣ было поручено возносить къ нему почтеніе, благодарность, любовь его народа; твои руки соединяли небо съ землею; они приближали отца къ его дѣтямъ: чего недоставало къ твоей славѣ? Но твой дерзновенный взоръ захотѣлъ измѣрить пространство, раздѣляющее твореніе отъ творца; ты позабыла его служеніе,

осквернила его храмы и осмѣливаешься призывать правосудіе народа! — Смерть, смерть вскричали со всѣхъ сторонъ!“

Дѣйствіе, произведенное симъ ужаснымъ крикомъ надъ чувствами Теодора, было быстрѣе молніи; душа его, такъ сказать, лишилась способностей своихъ; однакожъ онъ оправился, думая, что отъ присудствія духа его могла зависѣть его судьба, такъ какъ и судьба Азили; онъ принялъ на себя спокойный видъ, хотя спокойствіе было далеко отъ него; требовалъ чтобъ его выслушали, и не имѣя такой опытности, какъ Виллума, онъ оказалъ столько же искуства. “Тогда, сказалъ онъ, какъ казнь угрожаетъ мнѣ и

жрицѣ, вознесу ли я слабый голосъ свой? Будучи преслѣдуемъ и уже осужденъ главнымъ жрецомъ, что произведутъ мои требованія? Что значитъ жизнь невиннаго, когда онъ осудилъ ее? Вы должны видѣть и думать только посредствомъ его, не слѣпо ли повинуетесь вы малѣйшей его воли? Не разсматривайте, можетъ ли слабое, беззащитное твореніе, не имѣющее способовъ, внушить справедливые страхи; не старайтесь узнать, естьли у меня родители и дорогъ ли я имъ; забудьте, что вы сами отцы, и что можетъ быть когда нибудь дѣти ваши будутъ умолять людей, невнимающихъ ихъ гласу. Ожесточите серд-

ца свои, отвращите глаза и совершите жертву."

"Но прежде нежели разить, естьли вы немного подумаете, естьли будете внимать не пустымъ предубѣжденіямъ, но симъ вѣчнымъ и непремѣннымъ законамъ, которые напечатлѣны въ сердцахъ народовъ всѣхъ земель и всѣхъ времянъ, то пожалѣете о сей дѣвѣ и о мнѣ. Кто сей жрецъ, который гордо возстаетъ между небомъ и нами? Гдѣ доказательства его достоинства? Всевѣчный, когда ему угодно, велитъ греметь громамъ своимъ, но не поручаетъ ихъ нашимъ слабымъ рукамъ. Естьли вы хотите знать намѣренія вашего бога, касательно до существа осуж-

деннаго заблужденіемъ на безплодность, то подымите сіи волосы, развѣвающіеся на ея груди; посмотрите на сіи знаки жизни и плодотворности, и вы скажете со мною: она родилась, чтобъ быть матерью. Устремите теперь взоры свои на нещастнаго, котораго казнь готовилъ жрецъ сей, прежде нежели увидѣть, узнать, услышать его: внимайте истинѣ, и пускай страхъ вашъ изчезнетъ."

"Народъ! я не родился посреди гонителей вашихъ, и убѣгалъ отъ нихъ, когда взошелъ въ сію долину. Я ненавижу злодѣянія ихъ, столькоже, какъ и вы. Нещастія вашихъ предковъ извѣстны мнѣ; не однажды слезы мои омочали

описаніе горестной ихъ участи; не однажды рука сія отмщевала за кровь Перуанскую пролитіемъ крови вашихъ непріятелей; и вы вооружились бы противу того, который не зная васъ, любилъ и служилъ вамъ! Нѣтъ... вы отпустите насъ; вы дозволите намъ во отдаленіи отъ васъ искать забвенія своихъ нещастій. Неизвѣстность вашего убѣжища составляетъ вашу безопасность; сія тайна умретъ со мною; клянусь въ томъ честію, природою, тобою, котораго видѣлъ почтенный образъ, достойный Ласъ-Казасъ! ты былъ также другомъ предковъ ихъ, но они не умертвили тебя; они обожали твои добродѣтели, оправдали твои благодѣянія, предали твой образъ

послѣднему потомству: пускай память твоя, которую призываю, покровительствуетъ и защищаетъ насъ; пускай разверстая могила закроется при имяни твоемъ; пускай пощадятъ, въ знакъ благодарности, Азили и меня. Великодушной и чувствительной народъ, добродѣтельный апостолъ Индіи сохранилъ права свои надъ вами: вы разпроганы, приведены въ жалость... Ахъ! руки ваши не осквернятся и мы будемъ жить, чтобъ благословлять васъ."

И въ самомъ дѣлѣ пріятности сего молодаго человѣка, твердость духа и искренность его, видъ правдивости, который ложь никогда совершенно на себя принять не мо-

жетъ, тронули всѣхъ. Всѣ смотрѣли другъ на друга, совѣтовались, и не знали на что рѣшиться. "Онъ не Испанецъ, и называется непріятелемъ ихъ; онъ не зналъ законовъ Каямбура, искалъ здѣсь убѣжища отъ смерти, и случай произвелъ прочее: ужасно было бы принести въ жертву сего молодаго человѣка; не возможно понять, отъ чего главный жрецъ такъ жестоко нападаетъ на него."

Виллума искусно узнающій все то, что было противно его видамъ, примѣтилъ тотчасъ, что народъ склонялся въ пользу Теодора. Привычка неограниченной власти, основанной на законахъ, дѣлала ему всякое противорѣ-

чіе несноснымъ; однакожъ онъ почувствовалъ, что для побѣжденія желанія, которое казалось общимъ, должно было сначала приготовляться согласнымъ. "Кто могъ бы, сказалъ онъ, противиться сему чувству, которое я съ удовольствіемъ раздѣляю съ вами? Кто устоялъ бы противу сихъ рѣчей, трогающихъ сердце, проницающихъ и побѣждающихъ его? Ахъ! милосердіе есть первѣйшее изъ удовольствій и пріятнѣйшее изъ добродѣтелей. Щастливъ тотъ, кто можетъ наслаждаться симъ небеснымъ удовольствіемъ, и ничего не опасаясь для самаго себя, совершенно предаться чувству, которое обладаетъ имъ! Кто наконецъ можетъ сказать себѣ: я осу-

шилъ слезы нещастнаго, и хотя онъ захотѣлъ бы обмануть меня, но это не въ его власти! Народъ! такое ли твое положеніе? Должно по крайней мѣрѣ сіе разсмотрѣть. Я употребилъ всю жизнь свою для вашего щастія; незнакомецъ не изгладитъ въ одну минуту пятнадцатилѣтняго труда; вы не откажетесь выслушать отца вашего."

"Сей молодой человѣкъ говоритъ, что онъ сражался противу вашихъ враговъ; что онъ убѣгаетъ, ненавидитъ ихъ, любитъ васъ, такъ какъ Ласъ-Казасъ, и такъ какъ онъ, будетъ служить вамъ; гдѣ доказательство его подвиговъ и что можетъ онъ сдѣлать для

васъ? Но я хочу вѣрить справедливости его словъ; я забываю обидныя противу меня выраженія, которыя заставило его произнести нещастіе; я почитаю участіе, которое вы въ немъ принимаете; пускай онъ живетъ: но на что рѣшится ваша осторожность? Онъ доказалъ уже справедливость страха, который я нынѣ оказалъ вамъ. Когда оставите его здѣсь, то подвергнете опасности олтари ваши, на которые онъ возлагалъ уже дерзновенную руку; подвергнете невинность дѣвъ вашихъ его неистовству, и тотъ, который презритъ ихъ обѣты, будетъ ли почитать женъ вашихъ? Слабость ваша предастъ ли ему вмѣстѣ законы и жрецовъ вашихъ, об-

щественные и частные нравы? Я слишкомъ много почитаю васъ, чтобъ сего опасаться."

"И такъ вы отошлете его, и вручите ему свою безопасность; но молодость слаба, а ваши непріятели хитры. Естьли они увидятъ его выходящаго изъ сей долины, и захотятъ наказать за то, что прервалъ узы свои; будетъ ли онъ имѣть довольно твердости, чтобы молчать, будучи увѣренъ, что обезоружитъ ихъ, показавъ золото? Что я говорю! не предупредитъ ли онъ ихъ, не соединится ли съ ними, чтобы отмстить за преступившую Азили; тогда, что прекратитъ убійства? Но хотя онъ и здер-

житъ свое слово, вы должны всегда опасаться чтобъ онъ не нарушилъ его. Согласитесь ли вы жить въ безпрестанномъ страхѣ? Жизнь одного можетъ ли равняться съ спокойствіемъ всѣхъ? Ахъ! когда Европейцы истребляли миліоны людей, то не разбирали, виновны ли они или нѣтъ. Они подали вамъ примѣръ свирѣпства, а вы страшитесь быть правосудными! Тѣни вашихъ отцевъ требуютъ безопасности вашей, и вы не внимаете имъ: сіи священныя тѣни стремятся сюда, окружаютъ жертвы, толпятся около нихъ, и гнушаются вашею нерѣшимостію и медлительностію... Умолкните, священныя тѣни! дѣти ваши исполнятъ ваше

повелѣніе: потерпите, и васъ удовольствуютъ."

"Ночь простираетъ уже на землю завѣсу свою. Пускай густой мракъ сокроетъ отъ васъ кровь, которую прольетъ ваша мудрая предвидимость. Ступайте, приготовьте все въ этомъ священномъ лѣсу; пускай богъ вашъ, возвратившійся на свой блестящій путь, найдетъ одну память невѣрной дѣвы и ее преступнаго любовника!"

Мнѣніе народа походитъ на тростникъ, колеблемый попеременно вѣтрами, которые преклоняютъ его по своему произволенію. Теодоръ хотѣлъ еще говорить, но уже не хотѣли слушать его. Связали

Азили и его, отвели ихъ обѣ-ихъ въ священный лѣсъ и приготовили все для казни у самой гробницы, которая по мыслямъ народнымъ, была ими осквернена; Инки окружали ихъ съ натянутыми луками и прицѣливши стрѣлы свои.

Во все то время, какъ судьба ихъ была неизвѣстна, Элина и Мелоэ не чувствовали раскаянія. Но лишь только сіи нещастные были осуждены на смерть, то ослѣпленіе молодыхъ дѣвъ разсѣялось, и ихъ безчеловѣчное усердіе изчезло при первомъ воплѣ человѣколюбія. Раскаиваясь, терзаясь горестью, они взялись за руки; сошли въ молчаніи къ мѣсту, гдѣ стерегли жертвы; остановились въ нѣ-

которомъ разстояніи и смотрѣли на нихъ съ сожалѣніемъ. "Вотъ они, сіи нещастные! — Они удручены горестью. — Они лишатся жизни. — И мы причиною ихъ смерти! — Они меня огорчаютъ!... — Ахъ! такъ... очень огорчаютъ." Они обнялись и скрыли слезы свои и раскаяніе въ объятіяхъ одна другой; Мелоэ продолжала прерывающимся голосомъ: "Предать на смерть свою подругу, пріятельницу! — Потому что она была чувствительна. — Самые тигры иногда смягчаются. — Нещастныя! что мы сдѣлали! — Ты этого хотѣла. — Я думала, что служу своему богу. — Былъ ли бы онъ богъ, когда бъ не былъ добръ? — По крайней мѣрѣ онъ одинъ имѣетъ пра-

во наказывать! — И кто мы, чтобъ принять на себя попеченіе объ отмщеніи за него! — Элина, я раскаяваюсь. — И я, Мелоэ, и я также! — Тебѣ нѣчего болѣе сказать мнѣ? — Я хотѣла бы говорить, но не смѣю. — Чего тебѣ бояться твоей Мелоэ. — Мы подвергнемся опасности. — Ну, такъ что же? Колебались ли мы, когда должно было ввергнуть ихъ въ нещастіе! — Тебѣ извѣстна строгость главнаго жреца. — Мнѣ извѣстны одни нещастныя, которымъ я причинила бѣдствія. — Ахъ! такъ, сердца наши разумѣютъ другъ друга... Мы причинили вредъ и должны загладить его.“ И сіи любезныя дѣти обнялись съ восторгомъ. “Загладить его, продожала Элина? но ка-

кимъ способомъ... — Не знаю, отвѣчала печально Мелоэ. — Ни я тоже, сказала Элина еще печальнѣе. — Они осуждены... въ оковахъ. — Они охраняются неусыпною стражею. — Подумаемъ, постараемся. — Ахъ! намъ осталась одна минута, а слезы помрачаютъ всѣ мои мысли. — Боже милосердый! внуши насъ." Они упали вмѣстѣ на колѣни простирая руки къ небесамъ.

Элина была старшая, и столько же чиста, какъ вода, освѣжающая ее прелести; она подобна была не распустившейся розѣ, неповрежденной никакимъ дуновеніемъ; но невинность можетъ быть соединена съ живостію; живость есть плодъ воображенія, а жи-

вое воображеніе изобрѣтаетъ всегда средства. Элина вдругъ встаетъ и принимаетъ на себя видъ величайшаго страха: простосердечная Мелоэ смотритъ на нее и ожидаетъ. Элина бросается къ стражамъ Теодора и Азили; слабая походка, смущенныя глаза, трепещущая грудь и блѣдный свѣтъ факеловъ довершили обманъ. "Они пришли, говоритъ она томнымъ голосомъ, они здѣсь, въ сей долинѣ. — Кто? спрашиваетъ начальникъ Инковъ. — Европейцы преслѣдующіе сего измѣнника. — Какъ же они вошли? стража у пещеры не отлучалась." Смущенная Элина не знала, что отвѣчать; но Мелоэ поняла мысль ее: "неизвѣстныя машины, продолжала она, перенесли ихъ

на вершину сихъ горъ; они подходятъ... я слышу голоса ихъ... слышите ли?“ Инки смутились, Элина оправилась: “Вотъ они, вотъ они, говоритъ она, видите ли блескъ оружія при мельканіи нощнаго свѣтила? Бѣгите, соберитесь около главнаго жреца; сражайтесь, спасите свое отечество!... Я теряю силы, я умираю. — Сюда, Испанцы! спасите Азили; сюда, воскликнулъ Теодоръ, обманутый, такъ какъ и стражи его.“ Услышавъ такое восклицаніе, Инки бросили оружіе, которое служило въ рукахъ ихъ однимъ безполезнымъ украшеніемъ, разсѣялись и разпространили трепетъ въ Каямбурѣ. Тѣ, которые стерегли входъ пещеры, не знали что думать о

смятеніи, которое, казалось, царствовало въ отдаленіи; они тѣмъ болѣе безпокоились, что не знали сему причины. Они трепетали за своихъ женъ, любовницъ, матерей, дѣтей; разбѣжались, стали распрашивать и раздѣлять всеобщій страхъ; разнесли его во всѣ тѣ мѣста, куда онъ еще не достигъ: безпорядокъ дошелъ до послѣдней степени. Нѣкоторые изъ тѣхъ смѣлыхъ людей, которыхъ природа вездѣ производитъ, собрались въ кругъ, и въ средину поставили семейства свои, чтобъ ожидать смерти, не имѣя иной надежды, какъ получить ее прежде сихъ милыхъ предметовъ: они не знали, чѣмъ защищаться противу непріятелей, которые были

имъ описаны существами превосходными, свирѣпыми по природѣ, укрощающими все, даже чудовищь, которые сражаются подъ ними и управляющими громомъ.

Элина и Мелоэ воспользовались всеобщимъ смущеніемъ: узы Теодора и Азили были прерваны. "Спѣшите, говоряпъ имъ молодыя дѣвы, сокройтесь, богъ съ вами!" Они возвратились въ храмъ, будучи увѣрены, что Инки не узнали ихъ, ибо покрывалы и мракъ ихъ скрывали.

Теодоръ вдругъ перешелъ отъ глубочайшаго унынія къ надеждѣ, сохранить Азили. Топоръ попался ему подъ ноги; онъ схватилъ его одною ру-

кою, а другою помогалъ, поддерживалъ и несъ нѣжную дѣву; одно подземелье могло служить имъ выходомъ; онъ думалъ, что оно охраняется стражею; но въ рукахъ его оружіе, онъ храбръ, и противники его ослаблены вѣками спокойствія. Рѣшившись оспоривать, получить оружіемъ свободный входъ въ пещеру, онъ подошелъ къ ней съ Азили... О удивленіе! она пуста: "Есть провидѣніе, воскликнулъ онъ; отверстіе подземелья не занято. Не страшись войти въ него со мною; невинность охраняема честностію. Я тебя почитаю, почитаю и люблю слишкомъ много, чтобъ опасаться тебя, отвѣчала Азили." И сія милая чета сошла во внут-

ренность земли, не думая о томъ, что съ ней случится; настоящее все значитъ для любовниковъ. Азили видѣла одного Теодора избавленнаго отъ смерти; Теодоръ не думалъ, чтобъ Испанцы могли хладнокровно умертвить женщину; онъ позабылъ самаго себя, чтобъ заниматься одною ею. "Пускай она останется жива, а я умру, говорилъ онъ самъ въ себѣ, сопутствуя ей."

Между тѣмъ чрезвычайный шумъ проникъ во дворецъ Виллумы, который все еще безпокоился, пока Теодоръ живъ. Жрецъ вышелъ, и молва, которая все увеличиваетъ, объявила ему, что кровь Индѣйцовъ была проливаема, и что колонія

погибла. Виллума ничего не понялъ касательно до такого нечаяннаго нападенія; но онъ не долженъ ничего пренебрегать. Онъ снялъ съ себя платье жреца, вооружился поспѣшно, вышелъ, и хотѣлъ увѣриться, пришелъ ли послѣдній часъ его, или пустый страхъ овладѣлъ его подданными.

Виллума, который былъ принужденъ хранить сокровенный видъ, сію молчаливость, которую обыкновенные люди принимаютъ за глубокомысліе, сію холодную гордость, которую почитаютъ величествомъ, Виллума вознаграждалъ себя мудрствованіемъ за принужденность, налагаемую на него въ обще-

ствѣ его достоинствомъ. Размышляя, онъ узналъ сію высокую истину, которая показала ему ничтожества закона имъ исповѣдываемаго. Размышляя, онъ распространилъ свойства души своей, увѣрился, что жизнь государя значитъ что нибудь только тогда, какъ она бываетъ полезна, или славна. Будучи подкрѣпляемъ и поддерживаемъ сими правилами и прекрасными мыслями, онъ шелъ равными и твердыми шагами, звалъ, хотѣлъ распрашивать тѣхъ, которыхъ могъ узнать; его не слушали и еще менѣе отвѣчали ему. Виллума подумалъ самъ, что его не обманули и желалъ только умереть, такъ какъ жилъ. Онъ усмотрѣлъ толпу Индѣйцовъ, и принялъ ихъ

за непріятелей, бросился въ средину ихъ, и узналъ тѣхъ людей, которые своими тѣлами составляли защиту для своихъ семействъ. Стали говорить, разумѣть другъ друга; онъ укорялъ ихъ въ рѣшимости, безполезной ихъ отечеству и имъ самимъ; предложилъ, что человѣкъ, который презираетъ смерть, всегда можетъ побѣдить; онъ ихъ ободрилъ, внушилъ въ нихъ собственную свою твердость; это былъ не жрецъ уже, но герой, которой увѣряетъ и привлекаетъ всѣхъ. Собираются отрядомъ войскъ, слѣдуютъ за нимъ; повстрѣчающіеся бѣглецы къ нимъ присоединяются; сіи Перуанцы столь кроткіе и боязливые, думали, что превратились

въ воиновъ, слушая его рѣчи. Надежность и спокойствіе его лишили страха женщинъ, дѣтей, стариковъ; шумъ прекратился, порядокъ заступилъ его мѣсто; оспальную часть ночи провели въ обыскиваніи лѣса, долинъ, утесовъ. Никакое скрытное мѣсто не ушло отъ усмотрительности Виллумы; онъ наконецъ увѣрился, что не вошло новыхъ непріятелей въ долину.

Виллума сталъ искать происхожденія пустыхъ страховъ, обманувшихъ цѣлый народъ. Инки обвиняли въ этомъ двухъ жрицъ, которыхъ не могли наименовать: Виллума поспѣшно бросился къ мѣсту, гдѣ оставилъ Теодора и Азили, но нашелъ одни ихъ узы.

Онъ разсудилъ, что разсѣяли сію молву для того, чтобъ способствовать бѣгству двухъ невольниковъ. Въ спокойнѣйшее время, онъ, можетъ быть, сталъ бы отыскивать виновниковъ, но важнѣйшія дѣла занимали его въ сію минуту; шло дѣло о всеобщемъ спасеніи, а не о принесеніи въ жертву пустымъ предразсудкамъ двухъ невинныхъ или виновныхъ дѣвъ. Онъ предусматривалъ, что одежда Азиліина, блистающая золотомъ и серебромъ, заставитъ Испанцевъ догадаться, какое богатство скрываетъ въ себѣ Каямбуръ, и что они все употребятъ, чтобъ завладѣть имъ. Онъ мало надѣялся на храбростъ большой части Перуанцевъ и разсудилъ

что единое средство избавить ихъ отъ свирѣпости Испанцевъ, есть оставить совершенно столь пріятную мысль, обитать когда нибудь въ долинѣ Квито, гдѣ родились предки ихъ. Онъ собралъ начальниковъ, подчиненныхъ своихъ и сказалъ имъ. "Возмите Перуанцевъ, которыми вы управляете; пускай отдѣлятъ они отъ горы цѣлые утесы, пускай прикатятъ ихъ къ подземелью, такъ чтобъ они вошли въ него и собрались кучею; намъ нѣтъ иной надежды, такъ какъ и потомкамъ нашимъ, какъ жить и умереть на сей долинѣ."

Испанцы, которые преслѣдовали Теодора, напрасно ожидали остальную часть

дня, чтобъ онъ пришелъ сдаться имъ; трое изъ нихъ будучи нетерпѣливѣе или смѣлѣе прочихъ, осмѣлились войти въ пещеру; они прошли даже довольно далеко, и сохранили сіе хладнокровіе, столь нужное, чтобъ хорошо разсматривать. Теодоръ, котораго не могли отыскать, вѣтеръ, который завылъ предъ ними въ закоулкахъ подземелья, увѣрили ихъ, что былъ другой выходъ. Куда велъ онъ? Не вѣроятно, чтобъ то было къ обитаемымъ мѣстамъ; земля, которую они обыкновенно попирали ногами, приносила золото, ту, которую они могли открыть, скрываетъ, можетъ быть, новую руду, которая на вѣкъ обогатитъ ихъ. Они думали, что не долж-

ны были подвергаться въ такомъ маломъ числѣ, и стараться туда проникнуть; они возвратились къ своимъ товарищамъ, которыхъ помощь была имъ нужна, и объявили то, что предполагали.

Два средства представились имъ; первое, которое они должны были предпочесть, было работать для собственной своей пользы и дѣлить золото между собою, естьли оно находится во внутренности горы. Но сіе средство заключало въ себѣ неудобства, которыя они замѣтили. Затрудненіе, часто выходитъ изъ крѣпости, не будучи примѣчены, и возможность, что будутъ пре-

слѣдуемы, пойманы и наказаны съ величайшею строгостію, заставили ихъ отвергнуть сіе намѣреніе. Второе средство не столь выгодное, но и не столь опасное, было выхвалить себя у начальника своего вѣрностію, объявить ему то, что видѣли, и ожидать отъ него, естьли успѣхъ будетъ отвѣчать ихъ надеждамъ, чиновъ и денежныхъ награжденій, которыя по принятому обычаю были бъ соразмѣрны съ открытыми сокровищами. Они рѣшились на это единогласно, и послали часть своихъ въ крѣпость; прочіежъ остались у отверстія пещеры.

Теодоръ и Азили шли съ трудомъ; Теодоръ находил-

ся передъ молодою дѣвою: одною рукою держалъ руку ее, другую же протянувъ искалъ каменныхъ острій, выказывающихся со всѣхъ сторонъ, и оберегалъ отъ нихъ свою любовницу. Кто не подумалъ бы, что дѣвица, которая жила и была воспитана въ изобиліи, которую почитали и любили, отказавшись отъ сихъ выгодъ и вдругъ переходя къ чужимъ обычаямъ, которая могла опасаться, что ее покинутъ, что она должна была страшиться бѣдности и презрѣнія, и шла туда путемъ заставляющимъ трепетать самаго твердаго человѣка, кто не подумалъ бы, что сія дѣвица терзается горестнѣйшими размышленіями, которыя должны каж-

дую минуту становиться печальнѣе? Ничего такого не представлялось ее разуму. Она чувствовала, жала руку Теодора; въ трудныхъ мѣстахъ она прилегала къ нему; иногда, но случайно, губы ихъ встрѣчались; почти всегда дыханіе ихъ смѣшивалось: вотъ величайшее щастіе. Азили не знала, не воображала другаго; всякая мысль о нещастіи удалена отъ нее; онѣ не извѣстны тому, кто умѣетъ прямо любить.

Теодоръ, имѣющей болѣе опытности, долженъ былъ имѣть болѣе и предвидимости. Онъ не скрывалъ отъ себя опасностей, которымъ былъ еще подверженъ. Онъ хранилъ Азили за собою, чтобъ под-

вергнуться первымъ ударамъ, естьли Испанцы находились еще на площадкѣ, и онъ надѣялся, что прежде нежели лишится жизни, онъ будетъ въ состояніи поручить Азили ихъ милосердію. Иногда воображалъ, что утомившись отъ своихъ поисковъ, они возвратились въ крѣпость; что Азили легко сойдетъ по дорогѣ, которую они нашли, и что помощь его еще облегчитъ ей сей трудъ; что ему легко будетъ избѣгнуть крѣпостей, которыхъ положеніе было уже ему извѣстно; что придетъ въ Лиму съ своею подругою, и получитъ отъ Вицероя вспомоществованія, на которыя онъ могъ надѣяться, судя по прошедшимъ его милостямъ.

Иногда также надежда сія казалась ему мечтою: однако онъ не оставлялъ оной и она была единымъ средствомъ для поддержанія его бодрости.

Тьма начинала уже изчезать; въ скоромъ времяни Азили и Теодоръ могли различать другъ друга; отверстіе подземелья находилось только въ двадцати шагахъ отъ нихъ. Теодоръ остановился, слушалъ, смотрѣлъ, но ничего не видѣлъ и не слышалъ. Испанцы, лежащіе подъ кустами, отдыхали съ тѣмъ спокойствіемъ, которое внушаютъ множество и сила; оружіе было разбросано около нихъ. Теодоръ успокоясь вышелъ изъ пещеры съ своею. Азили... Онъ спотыкнулся,

наступилъ на Испанца, который проснулся, кликая своихъ товарищей; они тотчасъ встали, увидѣли Азили... "Есть золото! воскликнули они въ одинъ голосъ."

Они бросились къ своимъ ружьямъ: Теодоръ хотѣлъ говорить, но ему не дали времяни; тотъ, который попался ему подъ ноги, увидѣлъ въ рукахъ его оружіе и напалъ на него съ саблею. Теодоръ поразилъ его ударомъ топора, и схватилъ его саблю; испуганная Азили потащила своего любовника, за собою, толкнула его въ пещеру и бросилась за нимъ; едва они успѣли войти, какъ Испанцы, разъяренные смертію своего товарища, или желая

по крайней мѣрѣ найти предлогъ, чтобъ отдѣлаться отъ человѣка, который мѣшалъ въ исполненіи ихъ жадныхъ предпріятій, выстрѣлили залпомъ по отверстію подземелья... Къ щастію огромный камень скрывалъ нещастную чету. Азили еще болѣе устрашенная, жала руку Теодора, тащила, вела его за собою: "Ступай за мною, говоритъ она ему, прошу тебя; ты лишишься жизни и не спасешь меня. Тайна моего отечества сдѣлалась извѣстна; ступай покровительствовать и защищать его; заставимъ Перуанцевъ стыдиться несправедливаго осужденія; обезоружимъ ихъ великодушіемъ. Повороты сей пещеры извѣстны тебѣ; мы выпередимъ

Испанцевъ, и успѣемъ приготовиться къ оборонѣ". Смерть представлялась Теодору съ обѣихъ сторонъ; онъ надѣялся для Азили болѣе отъ Испанцевъ, нежели отъ Перуанцевъ; онъ противился: "Я пожертвовала тебѣ своею честью и жизнію, продолжала она; ты пожертвуешь мнѣ своимъ гнѣвомъ. — Я не сердитъ, моя Азили. — И такъ избирай между избавленіемъ Каямбура и неизвѣстною смертію, которую опредѣляютъ тебѣ Испанцы; покинь убійственному мечу грудь обожающей тебя дѣвы, или оправдай то, что она для тебя сдѣлала. — Ты этого требуешь и боишься, чтобъ я не поколебался! Перуанцы, были несправедливы; они будутъ, можетъ быть, неблаго-

дарны; такъ и быть, я буду служить имъ: твое отечество есть мое, я не хочу имѣть другаго. — Ты былъ только моимъ любовникомъ, ты будешь моимъ героемъ, богомъ хранителемъ, избавителемъ нашимъ."

Выстрѣлы время отъ времяни раздающіеся, въ внѣшней части подземелья, давали имъ знать, что ихъ преслѣдуютъ: они поспѣшали: нечуствительно звукъ выстрѣловъ сталъ удаляться отъ нихъ, и они увѣрились, что возвратятся въ Каямбуръ прежде Испанцевъ.

Сіи послѣдніе получили изъ крѣпости другой отрядъ, въ ту самую минуту, какъ

Теодоръ и Азили бросились въ подземелье; комендантъ, выслушавъ посланныхъ къ нему, тотчасъ отрядилъ двадцать человѣкъ вооруженныхъ и снабденныхъ провизіею, факелами, инструментами для разрытія подземелья. Онъ послалъ курьера въ Квито, съ извѣстіемъ къ губернатору о предпріятіи, отъ котораго онъ не ожидалъ ни малѣйшаго успѣха; но какой подчиненной не желаетъ доказать начальникамъ своимъ усердія къ величію или славѣ своей монархіи?

Сіи двадцать солдатъ услышали отъ десяти прочихъ, что Перуанка, покрытая золотомъ, на минуту явилась на площадкѣ, коло-

рую они занимали. Не льзя было сомнѣваться, чтобъ внутренность горы не была обитаема, и пышность платья жрицы показывала существованіе искуствъ, и слѣдовательно многочисленный народъ. Испанцовъ было числомъ только тридцать, и осторожность запрещала имъ напасть на людей, еще не уничиженныхъ рабствомъ, такъ какъ Перуанцы, живущіе въ долинѣ. Разсудителі нѣе казалось послать въ другой разъ къ коменданту крѣпости, и просить его, выпребовать изъ Квито отрядъ, съ помощію котораго можно бы было разрыть входъ въ пещеру для вступленія колонною и ввезенія артилеріи: большая часть держалась такого мнѣнія, но одинъ Ис-

панецъ, который былъ предпріимчивѣе прочихъ, представилъ, что глупо будетъ оставить своему начальнику славу и награды за подвигъ, которой могъ обогатить ихъ и сдѣлать имена ихъ безсмертными; онъ напомнилъ, что Пизаръ съ горстью солдатъ истребилъ имперію Перуанскую; что самая окружность горы показывала только народъ малочисленный, котораго тридцать храбрыхъ Испанцевъ должны были сперва устрашить оружіемъ, потомъ истребить или покорить. Онъ сказалъ еще, что по справедливости былъ у Перуанцевъ Европеецъ, но что сей человѣкъ не могъ однимъ днемъ обучить ихъ военному искусству и даровать имъ храб-

рость. Онъ льстилъ двумъ страстямъ, имѣющимъ величайшую власть надъ сердцемъ обыкновеннаго человѣка, властолюбію и скупости. Его послушались; и придцать Испанцевъ взошли въ подземелье, будучи расположены упиться кровію и отяготиться золотомъ.

Съ своей стороны Перуанцы, возбужденные рѣчью и примѣромъ главнаго жреца, котораго страхъ былъ основателенъ, вырывали изъ земли камни, которые во времена Капаны наполняли отверстіе пещеры. Сія работа, не столь тяжкая, какъ та, которую повелѣлъ Виллума была, однакожъ не безъ затрудненія; еще не много

было сдѣлано, какъ Теодоръ и Азили появились опять въ Каямбурѣ.

Первый, увидѣвшій ихъ, былъ главный жрецъ, котораго отеческое попеченіе занималось вмѣстѣ всѣми предметами. Оружіе блистало въ рукахъ Теодора и не устрашило Перуанскаго героя. "Ступайте за мною! воскликнулъ онъ, говоря Инкамъ, я лишаюсь жизни, но подаю вамъ способъ умертвить его... ступайте за мною! я бросаюсь на его оружіе. — Постой! сказалъ ему спокойно Теодоръ, ты меня осудилъ, а я прихожу защищать тебя; я клялся имянемъ Ласъ-Казаса и исполню свою клятву." Удивленные, смущенные Перуан-

цы и Виллума слушали рѣчь молодаго человѣка; онъ болѣе не неизвѣстный нещастливецъ, котораго можно безжалостно умертвить; онъ есть мститель Перу, которому удивляются, и коего ласкаютъ и стараются заставить позабыть полученныя имъ обиды; наконецъ, котораго они готовы лобызать колѣна. "Поспѣшайте, говоритъ имъ Теодоръ, они скоро вступятъ въ сію долину. Они въ маломъ числѣ; ихъ можно побѣдить, но должно осмѣлиться сразиться съ ними. Перуанки, я поручаю вамъ Азили; естьли я умру сражаясь за васъ, то пускай жизнь ее будетъ по крайней мѣрѣ наградою за мою жертву. — Храбрый, молодой чело-

вѣкъ, отвѣчаетъ Виллума, ты котораго я не позналъ ты заставляешь меня почитать и удивляться тебѣ. Я только храбръ; ты будешь управлять моею неопытностію, научишь меня побѣждать, такъ какъ научилъ уже прощать."

Теодоръ сдѣлалъ свои разпоряженія, и они были столько быстры, какъ и минуты, которыми онъ могъ располагать. Онъ велѣлъ, чтобъ зашли далѣе въ равнину и впустили Испанцевъ. Онъ взялъ сотню изъ числа тѣхъ храбрыхъ людей, которые въ прошедшую ночь хотѣли умереть, прежде нежели видѣть умещвленіе женъ и дѣтей своихъ, и взялся начать сраже-

ніе, предводительствуя ими. Онъ поставилъ Виллуму съ остальными изъ числа сихъ храбрыхъ Перуанцевъ въ полѣ, засѣянномъ маисомъ и которое находилось близко отъ пещеры; онъ тамъ скрылъ ихъ и велѣлъ явиться только тогда, какъ услышатъ звукъ оружія. "Тогда, сказалъ онъ имъ, нападите съ тыла на Испанцевъ и пресѣките имъ отступленіе: будьте храбры, и я отвѣчаю за побѣду."

Онъ зналъ, какъ легко было защищать отверстіе пещеры; но чѣмъ сильнѣе былъ бы отпоръ Перуанцевъ, тѣмъ опаснѣе былъ бы онъ для нихъ. Испанцы непремѣнно послали бы противу нихъ знатный корпусъ войскъ; не

возможно было бъ устоять противу непріятелей, которымъ дѣйствіе подкоповъ было извѣстно: и такъ должно было заманить ихъ въ долину, не упустить ни одного, и заставить Испанцевъ думать, что они лишились жизни или отъ нещастія или отъ голоду.

Бѣдственное искусство войны не было извѣстно Перуанцамъ; но при всемъ томъ они почувствовали выгоду боеваго порядка, опредѣленнаго Теодоромъ: ихъ довѣренность въ него была совершенна и они во всемъ ему повиновались.

Испанцы дошли до отверстія подземелья; красота земли поразила ихъ: уединеніе, которое, казалось, царство-

вало вездѣ, ихъ ободрило. Они пошли впередъ. Земля, которую взрыли, содержала золотыя песчинки. Умы воспалились, затрудненія изчезли; каждый изъ нихъ почиталъ себя другимъ Пизаромъ. Они построились, сближились, и пошли къ первымъ жилищамъ держа ружья въ готовности.

Теодоръ разсудилъ, что твердость Перуанцевъ изчезнетъ, естьли онъ будетъ долго подвергать ихъ дѣйствію огня. Онъ поставилъ ихъ позади строенія, поддерживалъ ихъ бодрость рѣчами, исполненными жара, и ожидалъ для нападенія, чтобъ непріятель былъ довольно близко и по сей причинѣ не успѣлъ бы вторично зарядить ружье.

Испанцы удивленные, что никого не видятъ, начали, сами опасаться и боялись, чтобъ сіе глубокое молчаніе не заключало въ себѣ какого нибудь обмана. Они стали между собою совѣтываться, и рѣшились, естьли будетъ возможно, возвратиться, окружить себя окопами, и съ осторожностью узнать о сей землѣ. Теодоръ, отъ котораго они находились только въ тридцати шагахъ, примѣчалъ за ними; онъ проникъ въ ихъ намѣреніе, опровергающее его планы; явился съ своими, и быстро напалъ на Испанцевъ, которые вышли изъ рядовъ, чтобы совѣтываться. Они тотчасъ построились и дали залпъ по Перуанцамъ; но сіе было сдѣлано съ такою по-

спѣшностью, что мало выстрѣловъ достигло до своей цѣли. Теодоръ бросился съ саблею; храбрые Перуанцы полетѣли за нимъ; сошлись, сразились. Но естьли огонь непріятеля былъ уже болѣе не опасенъ; то вмѣсто того штыки причинили ужасный вредъ. Нѣсколько Испанцовъ были уже убиты, но остальные дрались отчаянно. Перуанцы, испуганные кровію, льющеюся рѣками, обратились въ бѣгство, пуская стрѣлы, которыя не останавливали на ходу ихъ сопротивниковъ. Теодоръ напрасно силился ихъ оставить и отчаялся въ своемъ щастіи, и желая прекратить сію нить бѣдствій, онъ бросился въ средину Испанцевъ, и вѣрно лишился бъ

жизни, естьлибъ Виллума, вдругъ не напалъ на нихъ. Устрашенные непріятели не знали, которой сторонѣ противиться: обращенные ими въ бѣгство, возвратились къ бою съ новою яростію; Испанцы, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, падали, будучи подавляемы множествомъ; никого не щадили, и всѣ умерли, такъ какъ должны бъ были умереть воины Кортеца и Пизара.

Сія побѣда, одержанная надъ Европейцами, до сихъ поръ почитаемыми непобѣдимыми, возвысила въ собственныхъ глазахъ своихъ народъ, который сталъ почитать себя мстителемъ своихъ предковъ; онъ полюбилъ, и началъ почитать Теодора, управ-

лявшаго первыми его подвигами. Онъ былъ второй Ласъ-Казасъ, божество низшедшее къ нимъ для спасенія Каямбуръ. Посадили его на паланкинъ, покрытый парчею; жрецы несли его на плечахъ своихъ; народъ слѣдовалъ, осыпая его благословеніями. Азили, дѣвы, супруги вышли изъ храма, гдѣ молили о покровительствѣ своего бога; онѣ бросились къ побѣдителю Испанцевъ; кидали цвѣты и жгли передъ нимъ ароматы. Азили, гордящаяся своимъ любовникомъ, шла возлѣ паланкина; Теодоръ нѣжно смотрѣлъ на нее, и казалось, говорилъ: я побѣдилъ для тебя. Трогательные взоры Азили, казалось, отвѣчали: я буду твоею наградою. Героя несутъ въ святилище,

ставятъ возлѣ статуи Ласъ-Казаса, и имя Теодора посвящается вмѣстѣ съ именемъ добродѣтельнаго апостола Индіи.

Сіи чрезвычайныя почести оказывали воспаленіе умовъ, долженствующее непремѣнно заставить размышлять о прошедшемъ. Вспомнили, съ какимъ жаромъ Виллума преслѣдовалъ человѣка, которому были должны всѣмъ. Безпокойные умы громко роптали на главнаго жреца: одни приписывали мѣры, принятыя его осторожностію, жестокости его; другіе обвиняли его въ томъ, что онъ хотѣлъ погубить героя, котораго усмотрѣлъ великія качества, устрашающія его властолюбіе;

величайшее число укоряло его въ томъ, что онъ вырвалъ у Перуанцевъ осужденіе на смерть, безчестившее ихъ. Когда народъ преступилъ черту, раздѣляющую его отъ непокорности и самовольства, то онъ разширяетъ, по желанію страстей его, границы, опредѣленныя общественнымъ союзомъ. Хотѣли осудить самаго Виллума; умѣреннѣйшіе желали отдѣлить священство отъ власти гражданской, и поручить послѣднюю Теодору. Виллума, узнавшій о угрожавшемъ ему, надѣялся, что его присудствіе можетъ еще внушить почтеніе. Онъ явился посреди бунтующихъ; сталъ говорить съ симъ доспоинствомъ и спокойствіемъ, которыя никогда не покидали

его; ему отвѣчали ругательствами: самые раздраженные нанесли на него руку, сорвали корону и другіе знаки царствованія.

Теодоръ находился возлѣ Азили и забывалъ лавры свои, помраченные красотою; онъ слышитъ, какая опасность угрожаетъ Виллумѣ, и идетъ явиться передъ народомъ. Толпа даетъ ему дорогу: онъ входитъ въ окружность, видитъ жреца нещастнаго, но еще великаго собственнымъ своимъ величіемъ; онъ хочетъ дойти до него. Перуанецъ останавливаетъ его, и преклоняя колѣно, подаетъ ему діадиму. "Молодой герой, говоритъ онъ ему, прими жертву цѣлаго народа: пускай

благодарность его заставитъ тебя забыть, что онъ былъ несправедливъ противу тебя!“

Виллума не понималъ, чтобъ возможно было отказаться отъ престола и случая отмстить величайшему врагу; онъ чувствовалъ всю важность своего нещастія, и смѣлъ однакожъ ругаться надъ своимъ щастливымъ соперникомъ: “не думай, говорилъ онъ ему, чтобъ я унизился до того, чтобъ просить у тебя пощады; не опасайся также, чтобъ я старался привлечь обратно къ себѣ народъ, которой достоинъ одного моего гнѣва и величайшаго презрѣнія. Судьба моя въ твоихъ рукахъ, увидимъ, какъ ты умѣешь поль-

зоваться щастіемъ. — Я тотчасъ покажу тебѣ это, отвѣчаетъ Теодоръ, принимая корону изъ рукъ Перуанца: ты любишь свой народъ, ты трепеталъ за его безопасность, жертвовалъ ему человѣкомъ, которой долженъ былъ казаться тебѣ подозрительнымъ; ты умѣешь править народомъ и сражаться, а я умѣю почитать тебя!“

Теодоръ возложилъ корону на Виллуму; всѣ удивлялись, восклицали... “Народъ, продолжалъ молодой человѣкъ, вотъ вашъ главный жрецъ и владѣтель: вмѣсто того чтобъ лишить его власти, я намѣренъ защищать ее. Что я говорю? Вы не заставите меня вооружиться

противъ друзей моихъ, или обезчеститься постыднымъ завладѣніемъ; вы изгладите минутное заблужденіе и удостоитесь прощенія, въ которомъ не откажетъ вамъ Виллума *по моей позьбѣ.*“ Глубокое молчаніе царствовало въ собраніи: скромный отказъ Теодора просвѣтилъ умы, которые были привлечены его великодушіемъ; будучи смущены, пристыжены, всѣ разсѣялись; осталась одна память бури, которая грозила все поглотить.

Нужда сближаетъ людей, по виду самыхъ отдаленныхъ. Виллума былъ въ объятіяхъ Теодора, и прижималъ его къ сердцу: “такое поведѣніе, говорилъ онъ, не пристыжаетъ

меня; я чувствую себя довольно великимъ, чтобъ быть одолжену тебѣ всѣмъ. Такъ, ты будешь другомъ, совѣтникомъ, силою моею; ты поможешь мнѣ нести бремя правленія."

Не довольно было истребить Испанцевъ; должно было, чтобъ тѣ, которые остались въ крѣпости, не могли увѣриться въ сомнѣніяхъ, которыя должны были родиться отъ долгаго отсутствія ихъ товарищей. Естьлибъ довольствовались закласть внутреннее отверстіе пещеры, то они непремѣнно опять откpыли бы силою его пороха; Теодоръ вздумалъ скрыть отъ нихъ внѣшній входъ, который никто бы не могъ болѣе показать имъ. Камни, покрытые

мхомъ, были накладены снаружи, промежутки наполнены землею, которой солнце скоро придало видъ древности: все было такъ соединено съ горою, что донесеніе, сдѣланное коменданту, должно было казаться одною баснею.

Оставалось только рѣшить судьбу Азили; конечно, не хотѣли болѣе лишить ее жизни; но она искала щастія. Виллума покровительствовалъ ей, Теодоръ имѣлъ великую власть надъ народомъ; въ награду за свои заслуги, онъ потребовалъ руки ее. "Вашъ богъ хочетъ быть служимъ только свободными сердцами, сказалъ онъ; ее же не свободно; жертвенники от-

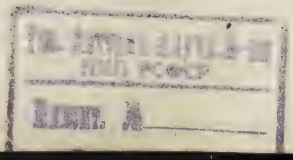
вергаютъ ее; возвратите Азили матери и любовнику; тогда вы заплатите мнѣ, и я останусь посреди васъ; я приму ваши нравы, покорюсь вашимъ обычаямъ; Азили хранитъ ихъ, и сдѣлаетъ мнѣ ихъ любезными."

Сіе предложеніе совершенно было противно ихъ законамъ; не осмѣливались ни противорѣчить, ни согласиться. Виллума все успокоилъ, предложивъ, чтобъ впередъ позволено было обѣщаться богамъ, только въ тѣ лѣта, какъ узнаютъ свое сердце, и чтобъ тѣ, которыхъ обмануло слишкомъ скорое усердіе, тотчасъ возвратились бы въ общество. Сей законъ былъ единогласно принятъ; Теодоръ и Азили

клялись вѣчно любить другъ друга, и исполнили въ точности свою клятву.

Ну, господинъ авторъ, естьли Теодоръ остался тамъ съ своею Азиліею, то скажите мнѣ, какъ вы все это узнали? — Какъ я узналъ это, господинъ читатель?... Право, я думаю, что я видѣлъ это во снѣ; мнѣ кажется снится также, что я составилъ изъ этой сказки драму, къ которой другъ мой Брюни сочинилъ музыку и которую друзья мои Феидоскаго театра скоро будутъ играть.

Конецъ.



ОПК-71192